Драконов много не бывает

Автор:
Ева Ночь

Драконов много не бывает

Ева Ночь

Семейка Драконовых #3

Он соврал отцу, чтобы вырваться на волю и жить так, как ему хочется. Она – скромная студентка, в голове которой лишь учёба. Никакой личной жизни! Что получится, когда они столкнутся? Искры полетят? Контакты закоротит? Одна маленькая встреча и… очень большая ответственность! Но унывать не стоит, потому что драконов много не бывает!

Ева Ночь

Драконов много не бывает

Глава 1

Аркадий

– Зайди ко мне! – голос у отца громогласный и неприятный. Нет, не тембр – с этим всё в порядке. Интонация.

Такое впечатление, что дракону хвост зажали. Показать, что ему больно, – стыдно и недопустимо, поэтому рычать и плеваться огнём – самое оно. Есть

только одна беда: живёт он с зажатым хвостом, можно сказать, всю жизнь. По крайней мере, я уже и вспомнить не могу, когда он разговаривал нормально.

Спорить или артачиться – бесполезно. Поэтому я следую в его кабинет. Становлюсь навытяжку. Живот подтянут к хребту. В глазах – тупое подобострастие. «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство»[1 - Слова, приписываемые Петру I]. М-да, именно так и никак иначе. А то воспитательный процесс может затянуться надолго. Лучше молчать, кивать, поддакивать. Легче на мочевой пузырь будет.

– Это что? – спрашивает он меня, вываливая на стол фотографии. Шлёпает ими, как мокрыми тяжёлыми тряпками. На лице родителя – отвращение и брезгливость. – Это что такое, я тебя спрашиваю!

Я смотрю на фото. Изумительной чистоты искусство. Замечательные оттиски. Отличные постановочные фотографии. Им можно бешено аплодировать и кричать «Бис!». Жаль, отцу сие не понять.

На снимках я и тело. Молодое, красивое и не женское. Белоснежная постель. Смятые простыни и две голые жопы. Ну, не совсем голые, скромно полуприкрыты простынёй, но задницы получились очень даже красивые.

– Это не «что», а «кто», – смею я дерзить, негодяй.

– Ты не паясничай! – дракон сминает тяжёлой лапой глянцевую жёсткую бумагу и швыряет фотки мне в лицо. Я не уклоняюсь, но это больно. Да и чувство собственного достоинства страдает весьма. – Мой единственный сын и это?!.. Да я тебя в порошок сотру! Наследства лишу!

– Скажи это вслух, отец: не стесняйся, скажи, кто я, – от собственной дерзости у меня кружится голова.

Старый дракон неожиданно берёт себя в руки. Сверлит меня насквозь серыми драконовскими глазами. Наследственно-фамильной драгоценностью решетит, дуршлаг из меня делает.

– У меня больше нет сына, – выталкивает он зловеще из себя каждое слово. А затем не выдерживает накала, багровеет мордой лица и, потрясая перстом в направлении двери, жутко орёт: – Вон! Вон из моего дома! Чтобы духа твоего здесь не было! Забудь, что у тебя есть отец и мать, семья!

Я ухожу молча. В голове – необычайная лёгкость. От этого – эйфория. Меня потряхивает. Папан что-то кричит вслед. Пусть проорётся, может, ему полегчает наконец-то. И хвост из зажима выйдет. Наконец-то он избавился от главного раздражителя своей жизни. Двадцать три года мучений. Ай-ай-ай. Памятник ему. Нагрудный бюст из бронзы высочайшей пробы. Или нет: из золота червонного. И бриллиантовые символы долларов вместо глаз

У меня всё готово. Сумка с вещами. Наличка на первое время. Если экономить, хватит надолго. А дальше будет видно. Банковские карточки оставляю на видном месте: дураку понятно, что отец первым делом перекроет кислород к деньгам. Он свято уверен, что без его вливаний я, избалованное и изнеженное дитя, долго не протяну.

Я сжёг все мосты. Заставил их пылать до небес и даже выше. Это был мой выбор: сделать так, чтобы не было пути назад. Не было возможности приползти на ленивом драконьем брюхе и вилять шипастым драконьим хвостом, как собаке.

В дверь бесшумно проскальзывает мать.

– Что ты наделал, сынок? – у неё трясутся губы и руки. Она моложе отца, красавица, но он запугал и затретировал её так, что мама на тень похожа, а не на женщину.

– Собственно, пытаюсь расправить крылья, – улыбаюсь, вглядываясь в её лицо. Каково это, прожить жизнь рядом с драконом?

– Сынок… пока не поздно – скажи отцу, что это шутка. Пусть всё утрясётся. И жизнь останется прежней.

У матери слёзы в глазах. За что мне это всё?..

– Мам, никакая это не шутка. Всё сделано. И всё будет так, как уже есть. А я наконец-то вырвусь из этой клетки и буду жить, как хочу.

– Но это же неправда! – теряется мать до слёз. – Ну, какой же ты… этот самый…

Она даже слово это произносить вслух боится.

– Я тот самый, мам, – вру и не краснею. – И мой тебе совет: бросила бы ты его, а? Ну, или хотя бы оторвалась хоть раз. Напилась там с подружками. На столе канкан станцевала бы. Изменила этому жлобу властному. Что-нибудь из ряда вон вытворила.

Мать отшатывается от меня как от прокажённого. Всё, что я сейчас сказал – это выше её понимания. Ну, или порог страха, через который она никогда не перемахнёт. Остаётся её только жалеть.

– Он же всё отдаст этому… сыну своему незаконнорождённому!

У неё получается задохнуться и вымученно пискнуть. Загнанная в ловушку мышь. Опять деньги, расчёты… Как же это скучно.

– Ну и пусть отдаёт. Не нуждаюсь. Я сам заработаю. А не сумею – поверь, люди существуют и без папочкиных капиталов. Живут и радуются.

Совесть у меня всё же есть. Я не такой злой, каким себя выставляю. И семья для меня не пустой звук, но дальше терпеть гнёт отца нет ни сил, ни желания.

– Прости меня, мам. Я даже понять меня не прошу. Просто прости и отпусти.

Как это ни тяжело, но я мягко отодвигаю её плечом и выхожу вон. Нужно торопиться, пока огнедышащий не придумал чего-нибудь эдакого, чтобы побольнее меня пнуть. Машину отобрать, например. Именно сейчас я не готов с ней расстаться. Хотя бы вещи перевезти, а дальше… Сгорел сарай – гори и хата.

* * *

– Ты хорошо подумал, Аркадий?

– Нормально я подумал, – раскладываю вещи в крохотной комнатушке. Здесь всё очень строго и по минимуму: шкаф, тумбочка, кровать, стол и стул. Маленький лохматый коврик на полу. Да мне, собственно, больше ничего и не нужно.

– Но ты же понимаешь, что тебя рано или поздно спалят?

– Паш, не начинай сначала. Сейчас важно вырваться, заякориться, начать новую жизнь, а потом уж будем всё остальное думать.

Паша переминается с ноги на ногу, отбрасывает со лба длинные пряди. Ноздри у него вздрагивают, рот кривится капризно. Пальцы играют завязками халата.

– И зачем тебе, воинствующему натуралу, потребовалась эта скандальная история? – воздевает он руки вверх, и я понимаю, что вселенскую скорбь придётся выслушать до конца.

Паша не понимал. Но не отказал. Мы договорились жить вместе, в его квартире, создавать видимость «греха», а на самом деле – каждый сам за себя. Я не вмешиваюсь в его дела, он не перекрывает кислород мне.

– Ты же понимаешь, что нам нужно будет поддерживать легенду? Ходить вместе и играть на публику?

Об этом мы тоже разговаривали. Но Паша хочет убедиться, что я не передумал.

– Я понимаю. И ничего менять не буду.

– Делай, как знаешь, – шумно вздыхает мой друг и наконец-то уходит. Я падаю на узкую односпальную кровать и пялюсь в потолок. Пока не пойму, что ощущаю. Наверное, мне должно легче дышаться или ликование обязано заполнить организм до краёв. Но почему-то ничего этого не происходит.

Кажется, я просто устал и перепсиховал. Что поделать: папа – человек, которого в малых дозах терпеть сложно, а в больших – и подавно.

Я попытался уснуть, но сон бежал от меня, как от прокажённого. Я пытался читать, думать, строить планы, но ничего не получалось. И тогда я понял: надо сбросить напряжение. Да. Отличный способ перечеркнуть прошлое и начать новую жизнь.

Глава 2

Алла

Мама всегда твердила: «Жить нужно на уровне». Что для неё «уровень» так и осталось загадкой, но она вечно стремилась к совершенствованию. Гналась за кем-то, пыталась, чтобы «не хуже, чем у других», пилила отца и нас с братом. Единственная, кому повезло, и то ненадолго, судя по всему, – это сестра. И то потому, что она ещё маленькая.

Мама умудрилась Машку родить почти на моё шестнадцатилетние. В это же самое время мы получили новую квартиру, переехали в новый район, и тут же новые соседи распустили сплетни, что Машка на самом деле – моя дочь, а не сестра. В то время это было неожиданно и больно, в школе от меня шарахались одноклассники, шуточки всякие отпускали, а мальчишки не давали прохода, оскорбляя возмутительными предложениями.

В общем, нормальной жизни до конца школы я не видела. Вечная борьба за выживание и тот самый ненавистный «уровень», о котором без конца талдычила моя ма.

Так получилось, подруг я в тот период тоже не нашла. И моей отдушиной стал папа, а не мама. Он у нас добряк и оптимист, спортсмен и альпинист. И вообще человек замечательный.

– Не грусти, – трепал отец меня по волосам, – у жизни на нас свои планы, и не обязательно, чтобы они совпадали с нашими.

Я вздыхала, клала голову ему на плечо. Жаловалась или нехитрыми радостями делилась. Рассказывала о вредной химичке и странном физике. Папа проверял мои тетради. С ним мы боролись с математикой – не давались мне все эти

интегралы и уравнения, хоть плачь. Но, в конце концов, и это мы пережили.

Я окончила школу почти на «отлично» и укатила в большой город – учиться. Мне пришлось трудно. Бюджет. Медицинский институт. Недоспанные ночи. Зубрёжка. Общежитие. Полуголодное существование на стипендию. Минимум помощи из дома.

Всё выглядело бы печально, если бы… не кайф от обучения, не моя ослиная упёртость, когда лучше недоспать, чем чего-то не знать. Вечно насмешливые и снисходительные взгляды тех, кому не нужно прогибаться под жизнь: все и всё вокруг прогибались под них. Я не завидовала. Мне нравилось своими руками, головой, другими качествами, в том числе и упрямством, добиваться собственных высот.

– Алла Жалейкина, а пожалей-ка нас! – любит нараспев по-доброму, а когда и не очень, подразнивать меня соседка по комнате, Люда Осина.

Она без конца твердит, что я упускаю очень многое.

– Зарывшись в учебники, жизнь не познать! – глубокомысленно изрекает она, когда на неё находит блажь наставить меня на путь истинный. – Что может дать учёба или профессия, когда ты не знаешь жизни? Ты ведь от всего шарахаешься, Жалейкина. Мир бурлит, в нём столько радости, а ты уныло, изо дня в день, корпишь, зубришь, на кафедре пропадаешь. А толку? У тебя даже парня нет! Ну, вышла бы, развеялась, потусила хоть раз. Глядишь, улыбаться бы чаще стала! Скучно живёшь! Ещё и уборщицей подрабатываешь. Ну, где, скажи, где брать положительные эмоции? От тебя же эндорфины бегут, как от прокажённой! Ты шанса никому и ничему не даёшь за себя зацепиться!

В общем, она, наверное, права. За исключением некоторых моментов. Нам с Людой по двадцать, но я учусь на третьем курсе, а Люда Осина – первокурсница, поэтому упустила некоторые этапы моего становления.

Кое-какой парень у меня всё же был, правда, недолго. Я успела влюбиться, расстаться с девственностью, и на этом, наверное, всё. Не повезло. Не сложилось.

Наивная и доверчивая – это про меня в прошлом. А может, и не в прошлом, но я стала осторожнее – однозначно. И уборщицей я работаю в ночном клубе, но Осиной об этом знать совершенно не обязательно. Там я насмотрелась на бурление мира, шоу, любовь во всех её проявлениях и прочие радости жизни.

Не то, чтобы меня отворотило от всего, но когда рядом веселятся и радуются, а ты наблюдаешь за праздником жизни со стороны, или поднимая фантики от конфет, фейерверк чувств и эмоций кажется уже не таким и ярким.

Я подрабатываю в клубе больше года. Попала по протекции знакомого – лучшего друга того самого парня, с которым у меня ничего не получилось.

Естественно, это ночные смены. К счастью, не каждую ночь, но на выходных – обязательно. С десяти вечера до шести – семи утра. Как повезёт. Я адаптировалась. Привыкла спать мало. Умудрялась везде успевать. Денег хватало, чтобы жить и откладывать на «чёрный день». Поэтому речи Осиной меня не трогают. А её попытки взять меня на «слабо» не срабатывают.

Сегодня снова у меня смена. Я опять трясусь в троллейбусе – две остановки. Я могла бы их пройти пешком, но нынче холодно, уходящий октябрь кусает за пятки морозом, усталость закрывает глаза, в горле слегка першит – кажется, я простыла немного, но это не критично: я знаю все народные и медикаментозные способы, что позволяют мне держаться на ногах и не сваливаться, когда грипп косит слабые организмы. Я сильная, почти что божество. Ха-ха-ха. Меня боится даже зараза, а не только эндорфины.

Я приезжаю за час до открытия клуба. У меня величайшая миссия – убрать, вымыть, отчистить. Это привычно и не бьёт по моему самолюбию: кто-то должен выполнять и такую работу.

– Как успехи? – интересуется бармен Котя. На самом деле он Костя, но его настоящим именем почти никто не зовёт. Он действительно смахивает на кота: сытый, довольный, с мягким взглядом и такими же руками – нежными, немного пухлыми, вкрадчивыми бы, я сказала, как у кота лапки: за пушистыми подушечками скрываются острые когти.

Со стороны может показаться, что он ко мне подъезжает, но Котя так разговаривает и ведёт себя почти со всеми, как с мальчиками, так и с

девочками: мурлычет, очаровывает, улыбается. Его любят посетители за спокойный уравновешенный нрав и умение улыбаться, даже если камни падают с… потолка – здесь и такое случается, но редко. Так что обольщаться на Котин счёт лучше не стоит. Что я и делаю.

Трезвая голова, отличные деловые качества, умение быть незаметной. Униформа, отсутствие макияжа, зализанные волосы делают меня универсальным солдатом. К слову, меня здесь не обижают. В «Лагуне» вполне приличные посетители и персонал.

Вечер набирает обороты. Музыка гремит, на танцполе уже вовсю танцуют и целуются. За столиками – пьют и разговаривают. Заводят знакомства, флиртуют, веселятся. Кое-кто одиноко сидит за дальними столиками. Эти в печали. Они созерцатели. Впрочем, под конец ночи всё может измениться для них к лучшему.

– Хочешь выпить?

Он не цепляет меня. Всего лишь предлагает. Глаза у него – оторваться сложно, если глянешь. Аркадий Драконов. Что-то зачастил. Рядом с ним друг, тоже красивый, но он выпить не предлагает, только нервно поглядывает то на меня, то на товарища.

– Спасибо, я на работе, – вытираю со стола и сгребаю мусор.

– А потанцевать?

Я виновато развожу руками и улыбаюсь. Я всё время отмазываюсь так на любые предложения, а их тут иногда делают.

– Ну, как хочешь, – налегает он на коктейль.

По некоторым признакам я понимаю: он немного не в себе. Очень нетрезвый, если уж быть совсем точной. Но по нему не скажешь, держится хорошо. И речь у него почти нормальная.

Вскоре он и его спутник присоединяются к танцующим. Вот где настоящее шоу, а не то, что скоро появится на сцене. За таким самцом можно наблюдать, затаив

дыхание. Красивое тело, хорошо прорисованные мышцы. На него заглядываются, да и я не отказываюсь кинуть взгляд-другой.

У меня передышка. Можно посидеть, вытянув усталые ноги и почитать книгу. Я привыкла. Шум не мешает. Тут важно отключиться, погрузиться в текст, а дальше меня из раковины не достать.

– Что читаем? – небрежная рука бесцеремонно хватает учебник, и я даже ойкнуть не успеваю, когда остаюсь ни с чем.

– Патанатомия?.. Серьёзно? Студентка? Медицинский?

Он забрасывает меня вопросами, как стрелами, нимало не заботясь об ответах. Стоит, покачиваясь, а побелевшие пальцы стискивают обложку так, что кажется, ещё немного – и дым пойдёт.

Глава 3

Аркадий

– Это не очень хорошая идея, – Паша, конечно, зануда, каких поискать, но он очень чуткий и по-настоящему внимательный. А я сейчас – прообраз папаши своего – делаю так, как хочется мне, не прислушиваясь к мнению друга.

– Просто расслабься, – приказываю, не особо заботясь о его желаниях. Но он не может радоваться жизни, чем невероятно напрягает и портит вечер. Без конца пытается, чтобы я меньше пил, нудит, что алкоголь – это яд.

Яду мне да побольше! Это первый день, когда я свободен от условностей. В этом клубе, где мелькают разноцветные огни и звучит музыка, где танцуют и отрываются, я думаю, что могу жить, как хочу, не оглядываясь, что скажет или прикажет мой отец. Только ради этого стоило обмануть и лишиться всего, что он ценит, а я… Не то, чтобы не ценю, но хочу попробовать жить по-другому. Своей жизнью и своим умом. И это пьянит куда сильнее той дряни, что плещется на дне моего стакана.

Я набрался до уровня, когда свет становится размазано-мягким, клубящимся и обволакивающим, когда люди кажутся милыми и улыбчивыми.

Чтобы не потерять контроль, мне нужен якорь – фигура, за которую можно зацепиться взглядом и не отпускать. Тогда всё будет хорошо. И я нахожу её – девушку, что снуёт по залу. Ловко у неё получается. Гибкая, спорая. Почти незаметная. Но не для меня. Она мой якорь – теперь я могу пить спокойно – не развезёт. Да и вообще: хорошо иметь точку опоры.

Я не выдержал. Захотелось увидеть её глаза, когда она оказалась рядом. Красивые – интуиция меня не подвела. Конечно же, девушка не согласилась выпить со мной. И потанцевать не захотела. Зато с этого момента стало легко и просто: та самая эйфория, что должна была накрыть сразу после того, как я ушёл из дома, наконец-то меня догнала.

Вот только сразу после танцев я понял, что мой якорь исчез. Нет-нет-нет! Этого нельзя допустить, иначе натворю бед или упьюсь до невменяемости.

– Прикрывай мой тыл, – командую Паше, и ерунда, что фраза звучит двусмысленно.

– Аркадий, хватит уже, поехали домой, а? Ну, что тебе стоит побыть милым и простым? Ты ведь всегда – само очарование. И легко с тобой – это не простые слова.

Вот только не надо, не надо на меня давить!

– Паш, ты мне друг? – это уже пьяный разговор, но без него никак.

– Кажется, я не давал ни единого повода в себе усомниться! – Паша поджимает обиженно губы, оскорблённый до глубины души. Ну, и кто из нас пьян? Я бы так не дулся, правда-правда! Он бы ещё ножку отставил картинно. Наверное, плохо, что он трезвый и здоровье бережёт.

– Расслабься, ладно? А мне… нужно тут…

Я не собираюсь ему объяснять, что без якоря пойду ко дну. Поэтому направляюсь к туалетам, а потом иду искать девчонку.

Она сидит в каморке папы Карло, или нет, в комнатушке с инвентарём. Ни дать ни взять – бедная Золушка. Где-то там гремит музыка, народ веселится, гуляет, а она погрузилась в чтение, словно ничего не происходит. Мой якорь. Я её нашёл.

И чем же так увлечена девушка с карими глазами?

– Патанатомия?.. Серьёзно? Студентка? Медицинский?

В висках бьётся боль. В глазах темнеет. Но я парень крепкий, меня с ног не сбить – пусть и не старается.

Девчонка протягивает руку. Смотрю на конечность, как на щупальце инопланетянина. Это что, способ познакомиться? По-мужски пожмём друг другу руки? Хоть в глазах и плывёт, вглядываюсь в девушку внимательнее. Всё у неё на месте. И грудь вон имеется. Нормальная, красивая, вполне даже очень.

– В чём дело? – спрашиваю, на всякий случай от руки её отодвигаясь подальше.

– Учебник отдай, пожалуйста, – как с тяжелобольным на всю голову. Улыбочка у неё участливая, мягонькая, благостная. И ручонка жадная тянется. Я по субботам не подаю, обойдётся.

Неловко приземляюсь рядом с ней. Тяжело, как авоська с апельсинами. Рукой по лбу провожу. Не раскисать. Сосредоточиться. Якорь. Выдержать!

А книга намертво в руке зажата. Когда-то и я на третьем курсе учился. Там, где и она. Надо же. Это меня догнало то самое прошлое, о котором вспоминать и больно, и приятно. Прошлое, из-за которого отец сломал моё будущее.

Алла

Я помню его, Драконова. Вот же: столько всего пропускаю мимо себя, отбрасываю ненужную информацию, как конфетные фантики, а этого красавца неземного помню. Да как его забыть, когда он такой прекрасный: высокий, стройный, мышцы прокачаны, волосы тёмные, ресницы опахалами, а глаза серые, с синими искрами.

Я первокурсница желторотая, а он третьекурсник, весь из себя. Шалопай, как потом оказалось, папочкин сынок, но очаровательный – с ног сбивал своей красотой и магнетизмом. В прямом смысле сбивал.

Я на него засмотрелась тогда, споткнулась и растянулась на затоптанном полу. Ладонями проехалась, чудом нос не расквасила. Все ржали над неуклюжей коровой, а он не стал. Руку мне протянул, подняться помог. Предложил в медпункт отвести, рассматривая разодранные ладони.

Я от него убежала тогда. Слишком дикая и не привыкшая к общению и вниманию. Он меня не запомнил. Да и не мог: руки изучал мои, но никак не лицо.

– Знаешь… я ведь тоже в медицинском учился, – откровенничает он, но учебник из рук так и не выпускает. Сидит, плечом к моему плечу прижимается. Не специально, не намеренно. Жар от него идёт и… волнует меня Аркадий Драконов, что скрывать. В этом хоть самой себе признаться можно. Слишком много одиночества, наверное. А я нормальная. Хочется и поговорить, и чтобы меня поняли, выслушали. Вот как сейчас я слушаю откровения парня, что однажды помог мне подняться с пола.

– Бросил после третьего курса. Отец настоял. Сказал: где это видано, чтобы Драконовы медиками были? Бизнес, деньги, больше, выше. Планка, должен соответствовать. А теперь я никто – и ничего не нужно. Вон пошёл, ясно?

Мне не совсем понятно, что он хочет рассказать, но по привычке я киваю, улыбаюсь, излучая доброжелательность. За год привыкла. Тут иногда откровенничают. А начальство моё как бы не против: если клиенты хотят поговорить, душу излить – послушать и поддакивать можно. Лишь бы дело не страдало и посетители довольны были.

– Что молчишь? Я дурак, да?

Он заглядывает мне в глаза. Какой ответ ждёт?

– Если очень хочется, если о чём-то жалеешь, всегда можно вернуться и довести дело до конца, – лучше выразиться обтекаемо, чем потом страдать из-за неосторожных слов.

– То есть? – он всё же притормаживает. Мягко высвобождаю из его рук книгу и прячу её в сумку. Раритет. Большая часть материала сейчас – в электронном виде. А мне нравится шелест страниц, книжный запах. Буквы пальцами трогать обожаю.

– Ну, раз так жалеешь, что ушёл из института, может, стоит вернуться? Доучиться?

– Ты гений, – больно сжимает Драконов мою руку. – В яблочко. С первой стрелы.

Он вскакивает. Меряет шагами помещение. Оно ему не по размеру явно: здесь слишком мало места для его энергии и роста.

– Нужно всё хорошо обдумать, – кидается он вон, а на пороге оборачивается. – Ты это. В зал вернись, а?

Это называется, хорошо, что сидела, а то бы упала. Всякое бывало, но посетители мной ещё не командовали, мне для этого хозяев хватает.

– Ты мой якорь. Мне без тебя никак. Пожалуйста, – произносит он загадочные слова, и я, получив заряд ослепительной улыбки, поднимаюсь на ноги и иду за ним, как зомби.

А дальше – чёрно-белое кино какое-то. У меня работа, мне не до Драконова, но что бы я ни делала, чувствую на себе его взгляд. Такое впечатление, что он за каждым жестом моим следит, и когда бы я ни обернулась, глаза его на мне дыру прожигают.

Буйное помешательство. В груди пылают станицы. Колени расхлябаны, походка – неуверенно-приседающая. Благо у меня должность такая – в вечно скукоженном состоянии, не так видно, что ноги не держат.

Это как в глубоком детстве и подростковом возрасте, когда тебе мальчик нравится, и вдруг ты ловишь на себе его заинтересованный взгляд. Или просто глазами мазнул. И тут же фантазия услужливо дорисовывает всё остальное: фату, лимузин, куклу на капоте, свадебные колокола, любовь до гроба.

Стыдно признаться, вот именно сейчас я ощущаю нечто подобное. Подростково-детское томление. И мальчик глаз от меня не отводит. И в голове смешались кони, люди, а тело – сплошные нервные окончания: не подходи, а то шарахнет током.

Я уговариваю себя, что Драконов – тот ещё фрукт. Рядом с ним – его друг, ни на шаг не отходит. А внутри гормоны взбесились, и в ушах, как эхо: «Ты мой якорь. Без тебя никак».

Ухожу, чтобы проветриться, а заодно в чувство прийти. К тому же, меня ждут туалеты – не самое приятное занятие, но необходимая часть моей работы.

Но до туалетов я так и не дохожу. Горячие руки хватают меня за плечи, а затем всё, как в кино: он прижимается ко мне всем телом, вжимает меня в стену, а губы впиваются так стремительно, что я не успеваю ни оттолкнуть, ни возмутиться.

Это умопомрачительный поцелуй. Горячий и самый лучший за всю мою жизнь. Так меня ещё никто и никогда не целовал.

Глава 4

Аркадий

– Аркаш, ну хватит уже, прошу тебя, – Паша без меня уйти не может. У него слишком развито чувство ответственности, а мне после беседы с девчонкой хорошо стало. Настроение поднялось. Права, сто раз права! Я ж теперь свободен! Могу делать всё, что пожелаю.

Собственно, вместе с домом я лишился всего. И контроля – в том числе. Завтра же заберу документы из ненавистного экономического – плевал я глубоко на

профессию, что не близка мне и даром не нужна. С сентября восстановлюсь в медицинском. Вряд ли раньше удастся, но попытаться можно, разузнать, что к чему. А пока работу найду. Аллилуйя!

И с этого момента жизнь заиграла всеми красками радуги. Удовольствие в чистом виде, с ног сшибающая эйфория. Лучше этого состояния – только секс. И то не уверен.

Всё остальное помню смутно. Кажется, пил, пытался развеселить Пашку. Танцевал, потом опять пил, не забывая девчонку из вида не упускать. Отличный якорь. Прямо крюк надёжный. С такой можно и в пропасть – вытащит обязательно. А я в людях хорошо разбираюсь. А точнее, чувствую.

Я начал проваливаться, как только упустил её из виду. Но зов крысолова силён: я шёл за девчонкой, как за звуками дудочки. Настиг её, чтобы уже не отпустить. Мой якорь. Ничего не знаю. Меньше всего сейчас я хочу проваливаться в небытие.

У неё тёплые губы. И пахнет она ягодами и лесом – что-то такое немного сладкое с кислинкой, хвойное и пьянящее. Голову сносит напрочь. Хотя куда больше. Паша прав: надо было остановиться.

Она вначале застывшая, как неживая. Губы у неё неподатливые, сжатые, а тело деревянное. Но я сейчас чёртов папа Карло, и у меня желание из чурбачка выстрогать Буратино – нечто тёплое и гибкое, идеально мне подходящее.

Это не обольщение, нет. Не набор тупых, безотказно срабатывающих приёмов, когда стоит только правильно пальцем пошевелить, и любая девчонка – моя. Вот сейчас я об этом не думаю. Потому что не от скуки или развлечения ради стараюсь. Я и на самом деле чувствую себя скульптором, великим художником, что способен оживить статую, создать трёхмерное чудо, сотворить сумасшедшую инсталляцию, сваять шедевр – не меньше!

Вдохнуть жизнь, увидеть, услышать, почувствовать, как бежит кровь по её венам и восторжествовать: это я! У меня получилось! Я крут! Великий создатель и зачинатель нового движения!

Я не знаю, в какой момент она дрогнула. Выгнулась навстречу, губы её ожили. Пальцы в волосах моих зарылись, отчего – молнии по всему телу, ликование в сердце. И после этого – ликование и провал. Тёмный вихрь, что тянет меня на самое глубокое дно, где очень, очень хорошо… Не отпускай меня, мой якорь, иначе я пропаду…

Алла

Я сопротивлялась изо всех сил притяжению. Нет, оттолкнуть не пыталась, а побыть безучастным зрителем немного получилось. Но уже тогда я понимала: ничего не выйдет, Драконов сейчас не в том состоянии, чтобы понимать слово «нет». А я не в том состоянии, чтобы его произнести вслух.

Я не удивилась страстному танцу его тела и губ. Скорее, Аркадий подтвердил мои смутные подозрения, что такие, как он, вряд ли песня на один мотив.

Я могла об этом думать, пока притворялась ветошью. Потом стало совсем не до размышлений на посторонние темы.

Он словно выдавил из меня лишнее. Остались только мы. Я не поняла, как оттаяла и ответила ему. Мы жарко сплетались в тёмном коридоре в объятьях. И большой вопрос, кого из нас больше шатало.

Позже, вспоминая детали этого безумства, я не могла с уверенностью сказать, кто из нас был инициатором всего остального.

Кажется, он превратил меня в совершенно неуправляемую кошку. Отчётливо помню, как схватила его за руку и потянула за собой. А дальше – вся инициатива у него. Он решал, когда мы остановимся и поцелуемся ещё раз. Гладил лицо моё, словно я реликвия, доставшаяся ему по наследству, а он никак не может нарадоваться свалившемуся на голову счастью.

Молча. Ни слова, будто мы дали обет молчания. Дыхание одно на двоих и два взбесившихся тела. Не понять, где чьи ноги и руки, кто об кого трётся. То, что у нас ни одной головы на двоих – тоже к гадалке не ходи.

Я не помню, как мы очутились в полутёмной комнате. Кто с кого одежду срывал – медленно, постепенно, не прекращая поцелуев – тоже не помню.

Руки его гладят шею и сжимают плечи. Мои пробираются под свитер и футболку, бесстыдно шарят по груди, касаются живота. Ах, как он прекрасен! Живой, настоящий, горячий. Под кожей двигаются гладкие литые мышцы. По нему можно анатомию мышечной системы изучать – куда там картинкам на бумажных страницах!

Аркадий не отстаёт: его пальцы пробегаются по моей груди, вызывая ещё большую бурю и смятение, ладони меряют талию – обхватывают почти полностью. Большими пальцами он поглаживает мой живот. Из глотки его рвётся возглас удовольствия. Кажется, ему всё нравится.

А потом мы падаем на широкую кровать, и я на короткий миг застываю от ужаса: это вип-комната, мне здесь не место. Меня ждут большие неприятности, если кто-то застанет, увидит, застукает с поличным.

– Всё будет хорошо. Верь мне, – после долгого молчания голос его звучит хрипло и слишком громко. Я вздрагиваю, а затем он прижимается ко мне горячим телом, и мысли разлетаются в разные стороны, как птицы.

Шорох крыльев. Мягкие перья планируют вниз, покачиваясь от дуновения ветра. Полумрак дышит желанием, пахнет телами, что готовы любить. Рассеянный свет выхватывает тёмную голову, плечи и руки, что касаются меня нежно и благоговейно. Я чувствую себя желанной, единственной, пусть на эти краткие мгновения.

У него получается заставить меня забыть обо всём и жить лишь этими крошечными светлячками, что рассыпаются по телу от его поцелуев. Он зажигает меня, как свечу, дарит нестойкое, но очень живое пламя.

Пальцы его высекают искры. Воздух потрескивает от напряжения. Томление. До предела натянутая струна, которая звенит внутри, рождая дрожь и ожидание, что темноту раскроит пополам молния, подарит свет – резкий и острый, ослепляющий и дарящий освобождение.

Шелест пакетика от презерватива – почти не слышный из-за толчков сердца, что грохочет в ушах, заглушая все остальные звуки, а затем высоковольтный разряд, когда Аркадий входит в меня – медленно, с наслаждением, растягивая удовольствие.

И я благодарна ему за эту неспешность, за ощущение, что всё происходит правильно, по-настоящему сильно, как точный выстрел в мишень, как восторг от любования шедевром.

У него получается убедить, что это так. У него вообще всё очень хорошо получается, будто он виртуоз, универсальный музыкант, что с лёгкостью способен сыграть на любом инструменте без нот, на слух, следуя только за собственным вдохновением и внутренним безошибочным ритмом.

Он движется, а я откликаюсь, иду ему навстречу. Мы встречаемся, как берег и волна, как небо и земля. Бесконечное кольцо наших рук и ног, нашего единения и дыхания, поцелуев и стонов.

Он таки дарит мне молнию – и это намного ярче и ослепительнее, чем я думала. Я открываю рот в немом крике, бьюсь в экстазе, разлетаюсь искрами фейерверка, каплями росы, бликами солнечного света. Проливаюсь тихим дождём, загораюсь чистым рассветом, расцветаю, как щедрая земля, напоённая влагой и негой, теплом и благодатью.

Он напрягается, дрожит и успокаивается вместе со мной. Тишина. Глубина океана. Новая точка отсчёта. Неизведанный виток времени.

Я думаю о том, что ничего не знала об этой стороне жизни до встречи с Аркадием Драконовым. Думаю, что… ничего не успеваю подумать, когда он опять оживает. Я снова любуюсь, как перекатываются под кожей его мышцы. Впитываю новые поцелуи и дарю свои. Не хочу отпускать, но и не смею задерживать. Он сам не хочет уходить. Нам хорошо вместе ещё раз. А потом ещё…

Чистое удовольствие. Всполохи эйфории. Волны радости и наслаждения.

– Мой якорь, – бормочет он расслабленно. Тело его тяжелеет, придавливая меня к кровати. – Не бросай меня.

Я лежу под ним ещё пару минут. Аркадий спит. Осторожно сдвигаю его с себя. Укладываю поудобнее. Провожу рукой по его волосам. Укрываю покрывалом. Одеваюсь, убираю «следы преступления» – уборщица во мне живуча до автоматизма. Разглядываю себя в зеркало. Пылают щёки, губы от поцелуев горят.

Выскальзываю в коридор. Надо заняться делом. Зал проверить. И в туалеты, наконец-то, заглянуть. На полпути меня встречает парень, спутник Драконова.

– Где он? – спрашивает обеспокоенно и немного нервно.

– Спит, – указываю рукой на дверь комнаты, где остался Аркадий.

Он кивает, делает шаг по указанному направлению, а затем оборачивается резко.

– Как вы могли! Как! – восклицает, размахивая руками. Нервный журавль – он напоминает мне эту длинноногую птицу.

Мне нечего сказать, но виноватой себя не чувствую.

– Ну, как-то так, – улыбаюсь ему лучезарно. Получилось не вежливо, а дерзко, с вызовом даже. Сама от себя не ожидала подобной прыти.

– Я это так не оставлю, учти, – сердито сверкает он глазами и сводит красивые брови на переносице в сплошную изогнутую линию.

Пожимаю плечами. Его полное право.

Настроение резко портится. Кажется, я только что потеряла очень хорошую работу.

Глава 5

Аркадий

Просыпался я трудно.

Башка раскалывается на части, как гнилая дыня – разваливается, можно сказать. Состояние не стояния – мягко сказано.

– Очнулся? – Паша, словно сварливая жена, тут как тут. Свеженький, благоухающий, прекрасный – так и хочется его убить или в грязи извалять, чтобы не светился так здоровьем и хорошим боевым настроением. – И как оно? Почувствовал вкус свободы?

– Ладно тебе, – чувствую вину, а поэтому пытаюсь говорить примирительно, несмотря на противоречивые чувства по отношению к другу, который похмельем не страдает. – Кажется, я действительно вчера выдал.

– Выдал? – не унимается Паша, почувствовав мою слабину, – Да ты начудил, накуролесил, отмочил, отчебучил, Чебучилло хренов!

О, майн готт, я понятия не имел, что Паша такой интеллектуал и подобные слова легко в ряд строит. Как выстрелы в мою достаточно потрёпанную голову.

– Что на тебя нашло? Ты же не пьёшь никогда!

– Да вот… сам не знаю, – мне и сказать нечего.

Последний раз я помню себя прилично пьяным на выпускной вечер. Мне тогда тоже казалось, что всё, свобода! Наивный дурачок. Так меня и отпустили. Но я тогда маленький был и глупый. Правда, судя по вчерашнему вечеру, не очень-то и поумнел, но что сделано, то сделано. Какой смысл рвать волосы, изображая бурное раскаяние?

– Я что, сильно буянил? – спрашиваю осторожно, пытаясь вспомнить подробности вчерашнего рандеву.

– А ты не помнишь? – поднимает брови Паша.

Если откровенно, то не очень, но лучше притвориться партизаном.

– Местами отчётливо, а временами – так себе.

– Ну, почти терпимо, если закрыть глаза на тот факт, что угомонить тебя не было никакой возможности.

– Значит, переживём.

Паша смотрит на меня пристально, по его фигуре я вижу, что он порывается мне что-то сказать, а потом пожимает плечами, руками всплёскивает и пытается ретироваться.

– Паш? – друг мой замирает на пороге. Плечи его напряжены. – Там девушка была.

Паша оборачивается медленно. Слишком медленно.

– Да? – мямлит он, тянет эти два звука, как жвачку.

– Я целовался с ней, – напрягаюсь, чтобы восстановить всю цепочку событий. Я выбрал её якорем. Это я где-то начитался психологической дряни. Мол, если выбрать якорь, то всегда сможешь контролировать себя. Я до этого ни разу не применял. А вчера вспомнилось почему-то. Глаза у неё красивые – помню. Запах ягод – помню. Губы – помню. Поцелуй – слишком реалистично. А дальше – чехарда. Осколками вылезают воспоминания. Комната, темно. Наслаждение. Кровать. Но я не уверен, что было.

– Я не следил за тобой, – дёргает Паша плечом. – И не видел, чтобы ты целовался. Я вообще тебя домой увёз в состоянии «отрубился». Мне мальчики-секьюрити помогали тебя вытащить и в машину посадить. Спасибо им огромное за это!

– Ладно! – хлопаю я себя по голым коленям. – Разберусь. Спасибо, Паш!

Чуть помедлив, друг кивает с достоинством английской королевы. Ноздри его подрагивают. Он всё ещё обижается, но через время его отпустит. Ползать на

коленях я не собираюсь.

Душ. Крепкий кофе. Полдня – долой. Я ещё пытаюсь вспомнить всё, но в «знаниях» у меня существенные пробелы, как говаривала моя любимая учительница биологии.

Девчонка. Я даже имени её не знаю. Не спросил. Студентка. Третий курс, судя по учебнику. Чувствую, что должен увидеть её. В глаза посмотреть. А ещё неплохо бы вспомнить. Какие-то эротические бредни во мне всплывают, и неуютно от этого.

Вскакиваю и лихорадочно шарю по карманам.

– Что-то потерял? – Паша тут как тут. Следит за мной, что ли?

– Таки, наверное, было, – бормочу я.

– Что было? – Паша какой-то нервный и дёрганный.

– Презервативов нет, – смотрю ему в глаза.

– Ой, да ты такое вчера вытворял, выронил где-нибудь. На танцполе или в туалете.

И чем дольше он меня убеждает, тем сильнее растёт уверенность, что я начудил. Я же не мог принудить её или заставить? Вообще-то я очень целеустремлённый и убедительный. А если чего-то хочу, то добиваюсь любыми способами.

Речь не идёт о грубости или применении силы. Есть и другие способы, очень действенные. Ещё на первом курсе я на спор любую девушку кадрил, пока не надоело. И после этого стал очень разборчивым и привередливым, а также очень хорошо научился скрывать свои предпочтения, похождения, личную жизнь. Может, поэтому легко удалось отца вокруг пальца обвести. Он бы и проверить мог, но гомофобия сработала на «отлично». Нужно лишь и дальше придерживаться выбранной линии поведения.

Девчонка спутала все карты. Повело меня не на шутку вчера. И внутри ворочался какой-то непроваренный ком вины. Воскресенье. Лучше разобраться во всём самостоятельно, чтобы убрать «белые пятна» на карте совести, а потом уж решать, что делать дальше.

Вечером я Паше ничего говорить не стал. Сам поехал в «Лагуну» незадолго до открытия.

– У нас ещё закрыто! – встретили меня неприветливо. Но я не из тех, кто пасует или сдаётся сразу.

– У вас тут девушка работает. Уборщица. Мне бы поговорить.

– У нас работает много девушек, – хрен двухметровый смотрит на меня холодно и загораживает широченными плечами вход. Я тоже не из маленьких, но не драться же с ним, чтобы девчонку выудить?

Ладно, я не гордый. Могу и подождать. Всего-то час убить.

Я сидел в машине и следил за каждым, кто входил в эту гавань. Ничего похожего. Я был убеждён: её я узнаю из тысячи, как в дурацкой песне.

Сразу после открытия жизнь клуба инертна. Посетителей мало, персонал, словно сонный. Люди движутся, как при замедленной киносъёмке. А может, мне всё это кажется, потому что сегодня я трезв, энергичен, и могу свернуть горы. К сожалению, никто не разделяет моего энтузиазма и более чем бодрое настроение.

Я подсаживаюсь к бару. Там круглолицый бармен неспешно натирает стойку мягкой салфеткой ярко-жёлтого цвета. Вчерашний. Я его тоже помню.

Что-то заказываю, но пить не собираюсь. Бр-р-р, меня мутит после вчерашнего и от запаха спиртного воротит. Это теперь надолго.

Наблюдаю за залом. Меня ждёт крутое разочарование: вместо девушки сегодня бодрая старушка столики убирает. Не повезло.

– Вы не скажете, здесь девушка вчера… – спрашиваю я у бармена, но договорить не успеваю. Морда у него топориком становится. Того гляди и тюкнет в темя.

– Конфиденциальная информация, – цедит он сквозь зубы. – Вы пьёте? Вот и пейте дальше. У нас не принято рассказывать о персонале.

Мне кажется, или он злится? Что случилось-то? В чём дело? Хотел бы я знать, но никто не хочет со мной информацией поделиться.

Я заказываю всякую дрянь и сажусь за столик. От меня отделаться почти невозможно. Так я и сдался. Нужно лишь выждать. И мой звёздный час настаёт: старушка таки добирается до моего столика. Прикольная такая, модная. Браслет на запястье поблёскивает широкий, серьги в ушах переливаются, брошку она к униформе прицепила. Похожа на празднично украшенную витрину.

– Вы не подскажете, вчера столики девушка убирала, – иду в атаку сразу с шашкой наголо, а то потом второго пришествия можно и не дождаться.

– А сегодня столики убираю я! – жизнерадостно заявила бабулька, сверкая фарфоровой улыбкой и споро справляясь со своей работой.

– А не подскажете?..

– Не подскажу-у-у! – пытается упорхнуть она резво, как феечка.

– А может, всё же подумаете? – ловлю её за руку и оставляю мзду.

Старушка опускает руку с уловом в фартук и притворно вздыхает.

– Нет её. Меня вызвали не в свою смену. А что и почему – я не спрашиваю, молодой человек. Заболела, уехала, уволилась – мне дела нет.

– А зовут-то её как? – спрашиваю, понимая, что бесполезно.

– Конфиденциальная информация, – тарабанит заученно, а потом, словно сжалившись, добавляет: – Ты лучше у начальства спроси, раз приспичило. А так ничего не узнаешь.

Провал. Полный, но не окончательный. Начальство? Да запросто. Теперь бы найти это неуловимое начальство.

Глава 6

Алла

Я осталась без подработки. Печально, но не смертельно. Руки-ноги есть, голова вроде на место встала, а остальное – переживу как-нибудь. Как говорит мой папа: «Была бы шея, а ярмо найдётся». Жаль, конечно, что всё вышло так: платили в ночном клубе хорошо.

Всё случилось быстро. Эта журавлиная цапля, драконовский друг, кузнечик длинноногий, сопля недоделанная, быстро свои угрозы превратил в реальность. Орать не стал, скандал затевать – тоже, но администратору тюкнул в тот же момент.

Формулировки закрутил мастерски. Превышение полномочий. Неуставные отношения. Нарушение рабочей этики. В общем, полный суповой набор и я – преступница номер один – коварная змея Патрикеевна, воспользовавшаяся невменяемым состоянием клиента. Воровкой не обозвали – и на том спасибо. Хотя глиста эта без скафандра пыталась прыгать. Видимо, не догадался для полноты картины карманы Драконова подчистить. А там полный боекомплект денег. Охранник Сёма проверил.

Ну, и вип-комната… как я и думала. Будь Драконов при здравом уме и светлой памяти, скорее всего, вот этих разборок и позора не вышло бы. Но он спал праведным сном младенца. Трогательный, с улыбкой на красивых губах.

Журавль его с охранниками уволок. Аркадий так и не проснулся. Вырубило его знатно.

– Мне жаль, – Игорь Васильевич, он же Гоша, всё выразил в двух словах. Да я и сама понимала: дело моё – табак.

– Это мне жаль, – тяжело вздохнула я и поползла собирать свои манатки. Правда, до утра мне доработать всё же пришлось. Уволили меня или не уволили, а смену дотянуть обязана.

– В понедельник придёшь за расчётом, – Гоша всё же хороший человек.

Это через него меня сюда пристроили. По дружбе, так сказать. Цена услуги – контрольная работа и три реферата. А также посильная помощь по отрезанию «хвостов». Сега тогда чудом не вылетел со второго курса.

В благодарность за мой самоотверженный труд он порекомендовал меня в ночной клуб. Гоша ему какой-то дальний родственник, а может, и что-то другое – никогда не интересовалась. Любопытство не самое лучшее качество. Не скажу, что я его лишена, но совать нос не в свои дела отвыкла давно.

В общем, страница перевёрнута. Не сказать, что восприняла увольнение легко, но жизнь на этом не останавливается. Нужно во всём искать плюсы. Например, я выспалась. Позволила себе отдохнуть.

– Что, жизнь ночной бабочки закончилась? – попыталась подколоть меня Осина. – Какая жалость. Как прекрасна была моя одинокая жизнь, пока ты трудилась где-то там по ночам!

Это намёк: Осина совершенно не страдала одиночеством и сейчас жалеет, что я обломала ей грандиозные планы. Зря она, что ли, на выходные домой не поехала? Но проблемы соседки Люды меня не касаются. Здоровый пофигизм – залог отсутствия ложного чувства вины.

Лучше скрипнуть зубами и промолчать, чем сорваться и поскандалить. Да мне и не хотелось. Несмотря на осадок после вчерашнего, были моменты, о которых я запрещала себе думать. Но ночью долго не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок. И совершенно некстати лезли в голову воспоминания.

Жалела ли я? Нет. Наверное, в жизни каждой девочки должно быть хоть одно-единственное безумство, о котором вспоминать приятно, а рассказать кому-то стыдно. Это слишком личное. И хорошо, что я замкнута и зациклена на учёбе, потому что сравнивать каждый раз Драконова с кем-то было бы слишком жестоко.

Очень уж хороши воспоминания. Я буду их беречь, как мечту, которой никогда не суждено сбыться, но это не значит, что эта мечта ненужная и бесполезная. Я бы хотела однажды по-настоящему стать кому-нибудь настолько желанной и привлекательной, какой была вчера для Аркадия Драконова. И однажды всё будет. Я оптимист!

Аркадий

Администратор – а выше я здесь в воскресенье ночью никого не нашёл – смотрит на меня, как на кучку дерьма. Брезгливо и холодно. Как ни кривится – вопрос, но выражение лица слишком говорящее, чтобы ошибаться. Так на меня и бармен зыркает весь вечер. Видимо, вчерашний загул удался на славу, если меня здесь запомнили, судя по всему.

– Мы не даём информацию о наших сотрудниках, – в очередной раз натыкаюсь я на долбическую песню дятла. Скоро у меня дырка в голове образуется от их умения рассказывать одно и то же.

– Но бывают же какие-то исключения? – пытаюсь я лбом пробить стену.

– Нет, никаких исключений мы не делаем, – вежливо, но твёрдо, давая понять, что разговор окончен. Деньги давать бесполезно: оскорбится или ещё что похуже. Полная безнадёга, вакуум. Видимо, ничего мне здесь не обломится. Придётся искать через институт.

Неудачи только раззадорили меня. Азарт, боевая готовность идти по следу и таки отыскать свой якорь. Зря я, что ли, вчера весь вечер на неё пялился?.. И, кажется, не только глазки строил… Но об этом я подумаю позже. Сейчас бы найти её.

Явно, свобода пошла мне не на пользу. Во-первых, я напился до состояния медузы, во-вторых, как бы девушку не обидел, в-третьих, мало ли я девушек за свою жизнь огорчил? Чем эта отличается от других, что я сейчас сижу в чёртовом клубе, делаю вид, что пью, а на самом деле – ломаю голову, как бы найти уборщицу с третьего курса медицинского института. Далась она мне.

Но как бы я ни досадовал и ни злился, кто-то, сидящий внутри, упрямо твердил: отличается. Якорь, я вам скажу, страшная штука, оказывается. Вероятно, это пройдёт, а пока навязчивая идея застряла в голове и рассасываться не собирается.

Я понял, что сегодня здесь ловить нечего. К чёрту. Выспаться, а завтра – новый день. У меня грандиозные планы. Нужно с институтом разобраться, подумать о работе, наведаться в медицинский. Девчонку поискать и заодно прощупать почву на предмет восстановления.

Обдумывая стратегические шаги, направляюсь на выход. Собственно, ничего не изменилось. Первый пробный шар пролетел мимо цели – только и всего. Когда это меня останавливало? Правильно – никогда!

– Это ты бывшую уборщицу ищешь? – тормозит меня на выходе девушка, что раздаёт браслеты, и я делаю стойку. Кажется, я даже с промахом погорячился.

Глава 7

Аркадий

У девушки на входе безучастное лицо. Деловое и благожелательное. Она улыбается, будто механическая кукла, – заученно, излучая сплошной кусок вежливости. Как у неё щёки не болят скалиться подобным образом с вечера до утра?

Её слова бьют под дых. Бывшая уборщица… Внутри когтями царапается совесть. Точно я накосячил.

– Да, ищу, – отвечаю ей в тон, еле разжимая губы, и по паузе понимаю, что даром здесь не подают. Надо бы хорошую ручку позолотить. Купюра из моей ладони перекочёвывает в её.

– Уволили её вчера из-за тебя и твоего дружка, – продолжает она скалиться на публику и ловко надевать браслеты на руки входящих.

Я не закидал её вопросами лишь потому, что слишком её слова меня впечатлили.

– Ничего не помню, – то ли хотел честность свою показать, то ли оправдаться.

– Немудрено, – фыркает дева и трясёт хорошо уложенными локонами. У неё глаза, как у кошки: зелёные и немного томные. – Ты своего друга расспроси. Он вчера здесь впечатление произвёл. Цитатами сыпал и отстаивал твою честь с яростью бульдога. А у нас строго. Аллу уволили. Так что можешь её здесь не искать.

Алла, значит. Имя хоть узнал – и то хлеб.

– Фамилии я не знаю, мы не общались почти, – тарахтит девушка скороговоркой, – знаю лишь, что она студентка и где-то учится. С книгами не расставалась.

Это и я знаю. Но якорь мой обрёл имя, а я духом воспрянул. Имя, институт – плёвое дело. Найду!

– Наши её любили очень. Хорошая. Положительная. Добросовестная. Попробуй такую ещё найти. Но правила есть правила. Тем более, твой мачо чуть ли не судом грозил.

Ну, Пашка, ну, змей! Ну, погоди!

– Спасибо! – благодарю и спешу на выход, а то охранник уже поглядывает на меня недобро. Видимо, вчерашний выход в свет произвёл фурор, оставил неизгладимое впечатление, что навсегда застыло на лицах членов трудового коллектива этого священного места.

Пока я возвращаюсь домой, а точнее, в квартиру Пашки, внутри меня взрываются петарды. Мне его поведение вообще не понятно, и я, чёрт побери, хотел бы услышать, что двигало им, когда он на девчонку наезжал.

Но я, что называется, целую замок: Пашки дома нет и, судя по всему, ночевать он не явится. Ну, я терпеливый. А ещё – неотходчивый временами никак. И если он удрал, подозревая, что ему достанется за вчерашний фортель, и надеялся,

что я до утра остыну, то глупый он и наивный. Я такие вещи на тормозах не спускаю и прощать не собираюсь.

Алла

Понедельник – день тяжёлый. В клуб за расчётом я попала ближе к вечеру.

– Как ты? – спрашивает Котя. Взгляд у него участливый, повадки мягкие. Того, глядишь, по головке погладит и даст выплакаться на своём мужественном плече.

– Нормально, – пытаюсь улыбнуться, но получается вымученно. – День тяжёлый. Устала.

– А тобой тут интересовались, – сжимает он губы, и глаза его сверкают опасно, как оголённые лезвия бритвы. В такие моменты он больше на тигра похож, чем на кота.

– Кто? – спрашиваю невольно, и злюсь, потому что сердце предательски частит в груди.

– Да этот… невинная жертва аборта. Рыскал тут вчера, приставал ко всем с вопросами. Но ты не переживай, никто тебя не сдал. Припёрся он, герой. Алкаш. Пить не умеет от слова «совсем». И опять бухло заказывал, правда, дружка его не было, поэтому грустил и вздыхал весь вечер.

Драконов меня искал? Вот новость. Я думала, он наутро и не вспомнит, что здесь вчера было. Интересно, зачем я ему понадобилась? Может, наплёл что-нибудь ненужное журавль его длинноклювый.

Становится ещё грустнее, чем было. Я бы, наверное, хотела его ещё раз увидеть. А может, и не раз… Но зачем тешить себя иллюзиями? Где я и где он. Кто он и кто я. Небо и земля и то ближе друг к другу. Такие, как Драконов, проходят мимо. Будь он трезвый, сомневаюсь, что вообще бы на меня внимание обратил. Он же до вчерашнего вечера не замечал меня, хотя и захаживал в «Лагуну».

– Вдруг тебе что понадобится – звони, – помедлив, выдаёт Котя и, отобрав телефон, вбивает свой номер. И от его действий, и от серьёзности, я в ступор впадаю. Здесь как-то не принято дружить. Мы друг друга по именам не всегда знаем. И этот его жест и не понятен, и слишком щедр. Может, он и впрямь подкатывал, а я не заметила?

– У хорошей девочки должна быть семья, – брякает Костя, и я чувствую себя членом мафиозной группировки – так это звучит… нелепо, наверное, и трогательно.

– Спасибо, Костик, я справлюсь, – вздыхаю, отгоняя непрошенные слёзы. Вот ещё. Я рыдать не собираюсь, но прощание явно подзатянулось. Машу ему рукой и растворяюсь в сумерках.

У меня есть деньги, сбережения – протяну. А позже всё равно найду работу.

Аркадий

Утро началось с нашествия. Нет, не инопланетян или тараканов, но лучше бы что-то другое приключилось, чем моя мать.

Она возникла на пороге Пашиной квартиры в понедельник с утра – бледная, как привидение, полинявшая, как дешёвое постельное бельё из Китая. Что понедельник – тяжёлый день, придумали не зря.

– Как ты меня нашла? – включил я злюку. Мать неопределённо махнула рукой. Всё понятно. Слежку никто не отменял. – Ну, входи.

Мать переступала порог, словно боялась вступить в коричневую субстанцию, именуемую дерьмом. Или на мине подорваться. И вообще кидала взгляды во все стороны. Наверное, думала, что сейчас на неё кто-нибудь свалится. Но в квартире царила тишина, и она немного успокоилась.

Паши дома не было. Видимо, ещё не вернулся из загула. Ну, ничего. Тем острее будет допрос по всем правилам позже. Я не собирался делать вид, что ничего не произошло.

– Сынок, умоляю, – маман бабахнулась на колени так быстро, что я и среагировать не успел, и растерялся. – Вернись домой, скажи отцу, что всё это – дурацкая шутка!

Она снова за старую пластинку. Колени только лишние. Ну зачем?..

– Мам, встань, – поднимаю её почти насильно. Она сопротивляется. Ужас какой. Кажется, я их всех и довёл, и достал. Убеждённость моя не поколебалась, но чувство, что я скотина, всё же голову подняло.

– Он с ним встречался, – плачет мать тихо, – условие поставил. Это только начало, а затем всё уйдёт в чужие руки.

Я сажусь с ней рядом на диван.

– Ну, во-первых, Сергей не чужой, а его сын. Во-вторых, он давно с ним встречался, задолго до того, как он меня из дома вытурил. Так что процесс запущен не день назад, если на то пошло. Отец давно угрозами сыпал. Всё пытался меня в чувство привести.

– Зачем, ну зачем ты это делаешь? – в голосе матери столько муки, неподдельного горя. – Он же для тебя старается, живёт только тобой.

– А я не оправдал надежд, – скотина во мне медленно умирает и спокойно ложится на отдых. – Не надо жить мной. Живите собой, мам. Живите своей жизнью и не пытайтесь прожить чужую жизнь или сломать её в угоду своим прихотям и амбициям.

Я смотрю ей в глаза и, наверное, впервые в жизни твёрд, как алмаз.

– Мне не нужны его деньги, наследство, та жизнь, которую он мне уготовил. Есть дела поважнее, чем быть проституткой собственного отца. Я больше не лягу под него. Может, Серёге нужнее нажитое непосильным трудом. Три магнитофона там, патефона, куртки кожаные тоже три. А мне не надо, поверь.

– Как долго ты протянешь, избалованное дитя? – гладит она меня по голове, как маленького. – Ты все выходные в клубе торчал, деньгами налево-направо сорил.

– Может, вы ещё за мной с диктофоном ходить будете, записывать каждый вздох?

Почему-то в уме резко всплывают поцелуи с Аллой и снова – полутёмная комната. Чёрт.

– Не бойся. Это был мой человек. Он всего лишь… приглядывал за тобой.

– Вынюхивал, где я живу и с кем, – киваю понимающе.

– Это ложь, – мать встаёт с дивана и, цокая каблуками, меряет твёрдыми шагами комнату, – это всё ложь! Это папу ты мог в дураках оставить, но не меня! Я все твои похождения – по пальцам… И вообще…

Она лукавит. Ни в чём не убеждена, но я не мешаю ей фантазировать.

– Мам, я не вернусь. И вообще я бросаю ненавистный экономический и возвращаюсь в медицинский.

– А бросай, бросай, – живо оборачивается она и улыбается. Улыбка вкупе с холодом в её глазах смотрится жутко. – Как раз успеешь остаться без защиты военной кафедры, и тебя упекут в армию!

Она торжествует. Думает, что меня этим можно напугать. Ну, в семнадцать такой номер мог пройти, а сейчас я как-то перестал бояться каждого шороха и всяких страшилок, которыми пугают детей и слабаков. У меня физическая подготовка замечательная. Надо – и пойду в армию. Но мать лучше сейчас не добивать.

– Мам, возвращайся домой. Считай, что воспитательная работа проведена, я тебя услышал. Мне нужно подумать, взвесить все аргументы, просчитать все варианты, а там оно рано или поздно куда-то да выведет кривая.

– Пока ты будешь взвешивать, всё отойдёт незаконнорожденному! – лицо у матери становится жёстким.

– Его Сергей зовут, – говорю я. – За столько лет можно было бы научиться произносить имя старшего сына собственного мужа.

Но эти слова – в пустоту. Там непробиваемо, я зря сотрясаю воздух, поэтому выдвигаю весомые аргументы.

– Не перестанешь за мной следить, исчезну. Уеду без координат. Ни одна твоя ищейка меня не найдёт, если захочу. Подумай сто раз, зачем тебе подробности моей интимной или ещё какой жизни.

Её напугать легко. Вот уже смотрит с тревогой. Сработало.

– Так похож на отца, – произносит она с грустью после очень длинной паузы. Вот вряд ли это комплимент, но пока я обдумываю, что ответить, мать уходит. Я слышу очень аккуратный щелчок замка.

Она сбила мой курс. В институт я уже опоздал. Но это роли не играет: ходить на лекции и протирать бездарно штаны я больше не собираюсь. Есть дела поинтереснее.

Глава 8

Аркадий

Первым, кого я увидел в альма-матер, был мой бывший сокурсник Денис Чеканёв, или Чека. Элита из, что называется, вечных студентов. Хвостатый, проблемный, с неизменными приключениями. Одним словом – «вечно» – это о нём.

Чека тоже чей-то сынок, поэтому, вися на волоске, всё же не вылетает из института каждый раз обыкновенным чудом: родительские деньги творят чудеса.

– О, Драконов, – он не удивлён моему появлению. – А я тут… вот…

Он мог и не объяснять: очередные «хвосты» рубит.

– И вообще я в академке был. Болел.

Между строк: снова откупили, ещё одна отсрочка от неизбежного. Он уже раз «болел» подобным образом. Хотя, глядишь, и закончит. Смысл только в чём – мне не понять. Какой из него врач? Корочка в зубах и много вопросов, что дальше делать.

– Сочувствую, – делаю я скорбное лицо. Болеет человек, пожалеть надо.

– А ты здесь что делаешь? Тянет по старым местам боевой славы пройтись? – в глазах Чеки мелькает интерес.

– Можно сказать и так, – соглашаюсь, потому что и это тоже меня сюда привело. Но не только.

– Тоска смертная, ничего не изменилось, и охота тебе время тратить? – уныло бубнит Дениска, футболя ногой какую-то бумажку, что попалась ему на пути.

– Слушай, дело есть, – лучше кругами не ходить. Тем более, что такой ценный кадр, как Чеканёв, вполне годится для моих целей. У него связей – вагон. – Мне бы девушку найти. Поможешь?

– А сам – не? Они же тебе на шею вешаются. Надо же, помощь понадобилась.

Чека язвит, но беззлобно. По тому, как светятся его глаза, вижу, что ему интересно. Какая-никакая забава.

– Мало вводных данных. Третий курс, зовут Алла. Да или нет?

– Время и деньги, – пожимает он плечами. – Что-то уж слишком мало данных. А у нас семь факультетов, куча групп, и вообще не факт, что девушка учится именно в нашем приюте для креативных умов.

– Когда тебя это останавливало? – прерываю я его гундёж. – И она, кажется, именно здесь учится, – напрягаю мозги, вспоминая штамп на учебнике. Вроде бы

знакомым показался, но я, мягко говоря, был не в том состоянии, чтобы запомнить точно, а сейчас мог запросто выдавать желаемое за действительное.

– Ладно, – Чека вздыхает тяжело, давая понять, что вынужден заняться скучнейшим делом ради старого знакомства, и то лишь потому, что не может отказать. Но по его настроению и приосанившейся фигуре я понял: Чеке не терпится заняться поисками прямо сейчас. Ну, это и понятно: что бы делать, лишь бы ничего не делать – раз, а во-вторых, роль детектива куда интереснее, чем семихвостого идиота, которому лень на занятия ходить и хотя бы делать вид, что преисполнен желания закончить институт.

– А что, хороша курочка? – интересуется он запоздало, и в глазах его прорывается хищный блеск.

– Это не то, что ты думаешь, – отмораживаюсь и объясняю: – Она меня выручила, а мне как-то не до того было, чтобы паспортные данные требовать. Долг хочу отдать.

– Ну да, ну да, – кивает Чека. Ни черта он мне не поверил, но это значения не имеет. Главное, чтобы помог, а дальше я сам разберусь.

– Номер телефона у тебя тот же? – спрашиваю деловито и проверяю список контактов.

– Постоянен, как рассвет, – улыбается Чеканёв. – Я сам позвоню, если что-то нарою.

Я показываю ему о’кей и направляюсь к деканату.

– Эй, – кричит мне вслед Чека, – блондинка или брюнетка?

– Тёмненькая, – отвечаю твёрдо, не оборачиваясь.

Мне повезло: Максим Николаевич, наш незабвенный декан, на месте.

– Кого я вижу? Драконов, вы ли это? – да, его сарказм уместен. Я три года назад не самым примерным студентом был. И уходил с помпой – летел, как пробка. Весело, короче, и незабываемо.

– Решил восстановиться, – тоже без реверансов.

– С января, дорогой господин, с января. Перечень документов – на сайте или у секретаря возьми. Надеюсь, это осознанное решение, а не левая нога не знает, что делает правая.

– Обе мои ноги уже знают, чего хотят, – заверяю я его и облегчённо выдыхаю. Замечательно. Лучше не придумаешь.

Домой я возвращаюсь в приподнятом настроении. Вот с чего нужно было начинать новую жизнь, а не по клубам шляться. С другой стороны, не встреть я там Аллу, вряд ли бы назад в медицинский вернулся. Как-то я раньше шёл вперёд, а назад не оборачивался. Но всё когда-то случается в первый раз.

Осталось одно незавершённое дело: разобраться с Пашкой.

Ждать приходится долго. Змей Подколодный приползает в логово поздно вечером. Надеялся, что я усну или уйду куда-нибудь? Облом: я умею ждать.

– А что это ты от меня бегаешь? – нападаю сразу, как только он застывает на пороге с одним снятым ботинком.

Пашка ещё пытается бровями играть, изображая удивление, но по глазам видно: нелегко ему даётся роль святой невинности.

– Мы же вроде договаривались, что не вмешиваемся в личную жизнь друг друга? – пытается ещё вырулить он, но сам попадает в тщательно подготовленную ловушку.

– То-то я смотрю, ты так и делаешь: не вмешиваешься в мою жизнь. Ты что в клубе устроил, гад ты ползучий?

Пашка то ли делает вид, то ли действительно оскорбляется. Фамилия у него Полозов, так что и гад, и змей – это прямо-таки выражение его сути, а не матерно-ругательные слова. Мне его обиды – по колено море, не берут и не действуют, особенно, когда букет злости настоялся, как водка на перчике.

– Я бы попросил без грязных намёков! – раздувает он ноздри и губами картинно подрагивает.

– Не виляй. Я был в клубе и наслышан о твоих подвигах. Похвально, что ты мою честь защищаешь, но просил ли я тебя об этом?

– Может, и попросил бы, если бы был в состоянии!

– Если бы я был в состоянии, мне ничья помощь не понадобилась вообще. А та, что ты оказал, – подавно. Медвежья услуга выглядит невиннее твоих обвинений в адрес девочки. Ты шакал, ясно? Хорошего человека работы лишил. Что ты о ней знаешь, что так легко влез и всё сломал?

– Это нарушение профессиональной этики, – всё ещё пытается продавить меня собственным блеском мой друг. – Ты был пьян, а она воспользовалась твоим состоянием.

Было. Всё было. Теперь я знаю точно. Пашка только что проговорился.

– Да что ты? – сейчас из меня можно памятники ваять – мрамора во мне больше, чем прожилок. – А вдруг это я воспользовался?..

– Тем более, – вспыхивает Паоло Полоз, и становится похожим на кумачовую тряпку. – Именно поэтому я и предотвратил. Ну подумай своей башкой, Арк, она же небось знает, кто ты! Потом шантажировала бы, беременность придумала, деньги с тебя тянула или ещё что. Такие ушлые девицы всегда знают, что делают и зачем!

– Во-первых, с меня тянуть нечего, и ты это прекрасно знаешь.

– Я-то знаю! А знает ли она?

– Не перебивай! – рычу так убедительно, что Паша пятится, сшибая подставку для обуви. – Во-вторых, я бы сам разобрался во всём. Адвокаты мне не нужны. Ты права не имел устраивать шоу и лишать девочку денег, которые, возможно, помогают ей жить и обучение оплачивать. В-третьих, у меня есть родители, которые вот где сидят, – провожу я ребром ладони по горлу. – Ещё одна мамочка мне не нужна, понял? Это ты матери сексотничаешь? – делаю ещё один выпад, и Пашка, окончательно наложив в штаны, таки сносит подставку и только чудом не падает, ухватившись побелевшими пальцами за дверь.

– Н-нет! К-как ты м-мог подумать! – заикается он вполне натурально и дышит часто. Шея у него краснеет, на щеках полыхает нездоровый румянец.

– Ну, повод у меня появился – вот я и подумал. Слишком уж ты опекаешь меня. Не в меру. До того, как мы сошлись на почве общих интересов, как-то я не замечал в тебе подобной трепетной опеки. Или это другое?

Я пытливо смотрю на друга. Пашка беспомощно поднимает вверх руки-грабли.

– Нет-нет! Я всё знаю и понимаю! Я… просто злился и беспокоился! Слишком уж всё неправильно было в тот вечер.

– Превышение полномочий, – зло мщу я ему за девочку Аллу. – Лимит дружбы исчерпан. Мало того, что ты меня идиотом выставил, так ещё и концерт устроил, когда тебя не просили. Ты знаешь, почему я здесь.

– Легенда для папы, – убито бормочет Пашка.

– Это был идеальный вариант пудрить ему мозги после тех фотографий, что он брезгливо рассматривал, а потом швырял мне в лицо. Но я думаю сейчас, что ошибся. Я не нуждаюсь в няньке или мамке.

Я жесток и знаю об этом. У Пашки с лица сползают краски.

– Это не то, что ты думаешь, поверь, – ещё немного – и он расплачется. Губы у него дрожат и кадык ходит, как поплавок удочки, на которую позарилась взбесившаяся рыба. – Давай остынем. Пожалуйста. А завтра я… всё исправлю! Попрошу прощения! Помогу ей устроиться если не назад, то другую работу

найду! Сделаю всё, чтобы вину свою загладить!

– Когда нагадил, заглаживать как бы поздно, – делаю шаг назад. – К тому же, как ты её найдёшь?

Интересный момент, кстати.

– У… меня… там связи. В клубе. Очень хороший знакомый работает. Думаю, не проблема. А если и проблема, всё равно можно что-нибудь придумать.

Я закатываю глаза. Пашка виляет хвостом, а я ещё не остыл. Желание врезать ему по холёному лицу с тонкими чертами никуда не исчезло. Но… Пашку бить – всё равно что девчонку. Впечатлительный. Нервный. Хрупкий, я бы сказал. Такого тронь – сломаешь. Рассыплется на осколки.

Если честно, я пока не знаю, что делать. И простить его не могу, и гордо уйти пока некуда. К тому же, положение моё шаткое. Если мать шпионов засылает, то же самое и отец вполне может делать. Любой мой неправильный шаг равносилен провалу. А я пока не готов к силовому драконовскому давлению.

– Ладно, – решаюсь я на временное перемирие. – Пока тайм-аут.

Пашка шумно выдыхает и судорожно сглатывает. Мне становится его жаль. Отлично. Осталось только простить и по головке погладить. Нет, нужно подумать об отступлении. Наверное, жить в одной квартире с другом всё же была плохая идея.

Глава 9

Аркадий

С Пашкой мы перешли в режим холодной войны. Точнее, я. С добрым утром, до свиданья, спокойной ночи. Питались отдельно, на разговоры я не вёлся, Аллу искать запретил.

– Мне так спокойнее. Понятия не имею, что ты можешь за моей спиной натворить. Что вышло, то вышло. Забудь и живи дальше.

Пашка вздыхал, страдал, нервничал, а я ломал голову, куда бы податься. Как в мультфильме: узелок за плечи – и подальше… Но пока приходилось мириться и сосуществовать.

К слову, долго злиться у меня не получалось. Характер такой. Выскажу в лоб, могу и в табло дать, а зло держать годами – это не ко мне. Пашкин свинский поступок от этого краше не стал, но ещё немного – и мы снова начнём нормально общаться, как раньше.

В среду позвонил детектив Чека. Его распирало от чувства собственной значимости.

– Это как в дремучие года, когда письма ходили в конвертах, – поёт соловьём Дениска, и я не мешаю ему выплеснуть наружу эмоции. – Так и хочется сказать: пляши!

– А есть повод? – голос у меня не дрогнул, а сердце в груди ёкнуло. И это стало открытием. Оно ещё и пищать умеет? Моё закалённое в боях за независимость сердце? Из-за какой-то девчонки? И впервые с момента своих маниакальных поисков я задумался, зачем мне это всё. Извиниться? Да ну на фиг… Не такой уж я и джентльмен…

– Ну, в общем, повод есть всегда, но имеются трудности, – прорывается сквозь мои пораженческие мысли бодрый голос Чеки. – Алл на третьем курсе – четыре. Бейко, Войнович, Жалейкина и Шагалина. Первая отпадает – коломенская каланча, и внешность у неё так себе.

С чего Чека взял, что делаем отсев по визуальным качествам, я не знаю, но на всякий случай решил уточнить:

– Я говорил что-нибудь о внешности?

– Ой, не смешите мои носки, – в голосе Чеки сквозит сытость льва. – А то я тебя не знаю. Ты даже долг отдаёшь красивым. К тому же Бейко – блондинка. И

вообще на мальчика смахивает.

– Ты что, уже всех их просканировал? – вот это скорость и напор! Кажется, не туда его родители учиться отправили, ой, не туда…

– Пф! – фыркает Дениска, – надо больно по всему городу за ними таскаться. Это тьма времени нужно. Для этого и существуют связи, когда и опишут, и сдадут, и могут даже на аркане приволочь, если будет нужда.

– Ладно, – соглашаюсь с его аргументами, – дальше.

– А дальше – сам, сам, Драконов. Я тебе пароли-явки. Расписание то есть. И ищи свою Аллу. Оставшиеся три – тёмненькие. Войнович – брюнетка, единственная местная. Остальные – понаехавшие, живут в общежитиях, причём в разных.

– Мне нужна та, что хорошо учится, – я почему-то был уверен, что мой Якорь – очень умная и ответственная.

– Все хорошо учатся, – кажется, сейчас кого-то порвёт на десять довольных хомячков. – Дылда Бейко не в счёт. Она мало того, что блондинка, так ещё и спортсменка. Но зато с очень хорошими показателями. И Бейко – не она, ведь так?

– Если блондинка – так.

– А если хорошенькая, то Войнович – минус, – я так и вижу, как пританцовывает Чека.

Войнович минус ещё и потому, что местная. Вряд ли домашняя девочка будет подрабатывать в ночном клубе. Но Чеке об этом знать не обязательно. Кто там остался? Жалейкина и Шагалина? Жалейкина – вот же фамилия…

– Давай уже свои пароли-явки на оставшихся девушек.

– А деньги? – меркантильный Чека не спит. Молодец. Вот это хватка! Не туда его родители учиться отправили, ой, не туда…

– Будут тебе деньги, – и тут я вспоминаю, что удобных карточек при мне не имеется. – Завтра встретимся и сочтёмся.

– Вот завтра и пароли-явки, – и ведь ни единого повода мне не доверять у Чеки нет, а осторожность срабатывает «на отлично».

Мы договариваемся о встрече, а я в очередной раз думаю, что надо бы с экономическим что-то решать. К стыду, я так туда и не попал. Это называется – оттягивать неизбежное, пустить дела на самотёк, тупо игнорировать проблему. Больной зуб сам по себе не вылечится, сколько ни занимайся самовнушением.

Пока я размышлял над бренностью бытия, у меня зазвонил телефон. Кто говорит? Дракон. А точнее, звонил дядя Ваня. Брови у меня на лоб полезли. Как-то не особо мы поддерживали родственные связи. Из братьев я общался только с Ильёй, и то изредка. Ну, и бабушку Настю по праздникам навещал. Это как бы святое.

Всех остальных знал шапочно, а старшего брата пару раз видел вскользь, и то инкогнито. Чисто интересно было В своё время дядя Ваня взял его под крыло, в то время как отец, казалось, вообще игнорировал сам факт его существования.

Тем интереснее было наблюдать за их сближением. А точнее, за тем, как умел отец нагибать и подминать под себя. Насколько я знаю, Серж под папкой прогнулся – женился скоропалительно, чтобы не потерять собственный бизнес.

В отличие от мамы, я был уверен: ему драконовские миллионы не нужны.

– У нас семейный ужин, – дядя Ваня лишним словоблудием не занимался, чем жутко напомнил отца. – Я бы очень хотел тебя видеть.

– Ну, э-э-э… ладно, – сам не знаю, почему согласился. Может быть, потому, что завтрашний вечер у меня абсолютно свободен, а заняться нечем.

Семейный ужин. Удивительно. Что-то и в драконьем царстве-государстве меняется. Мне даже любопытно. Может, поэтому я и не отказался. Интересно будет увидеть эту ветвь семейства.

– Арк, это невыносимо, – заявляет Паша, вернувшись вечером с работы. – Не должно быть так. Я полностью осознаю, что был не прав. И… вот, – кладёт он на стол бумажку. – Ты просил не вмешиваться, но я как-то хочу загладить вину.

– Что это? – спрашиваю, не прикасаясь к вырванному из блокнота листку, на котором что-то написано размашистым чужим почерком.

– Данные девушки. Имя, фамилия, телефон.

Пашка, конечно, конь.

– Откуда? – я полон подозрений и не спешу ему верить.

– Хозяин клуба – мой хороший знакомый, – идёт он пятнами.

Ну, подробностей знакомства мне не нужно. У него всё на лице написано. Судя по всему, данные дались не просто так. И, видимо, не всё так печально, но не мешает уточнить, не пришлось ли ему слишком многим пожертвовать, чтобы добыть конфиденциальную информацию, которую ни один член тамошней банды не захотел сдать даже за мзду.

– Я не просил тебя узнавать.

У Пашки очень твёрдый взгляд и решительно выдвинутый вперёд подбородок.

– Это акт моей доброй воли. Тем более, что мне это ничего не стоило.

Он врёт, конечно. Всё в этом мире чего-то да стоит, но любая война рано или поздно заканчивается, а у меня не такие стальные яйца, как у отца, который может запросто со своего пути смести всё в угоду собственных целей.

– Я уважаю твоё право на личную жизнь и собственные предпочтения. И хочу, чтобы ты был счастлив, – додавливает меня Пашка, подвигая пальцем полусмятый листок. – Друзья?

Внутри у меня бурлит. Я прислушиваюсь к ощущениям. Собственно, до этого злосчастного похода в клуб, у меня не было причин не доверять Пашке или

сомневаться в его личных качествах. Несмотря на разность характеров, мы дружим два года. И ни одна чёрная кошка между нами не пробегала.

– Ладно, – вздыхаю я. – Перемирие. Ты прости, но мне сложно доверять, когда какая-нибудь, пусть и мелочь, падает осадочком. Ложка дёгтя способна испортить целую бочку мёда.

– Я понимаю, – ясные глаза, в которых читается абсолютная честность. От Пашки так и веет чем-то таким возвышенным и прекрасным. – Готов и подождать, и доказать, что… дёготь упал на поверхность и не испортил всё, что было.

Полозов, конечно, умеет вести переговоры. Но ему и положено. Юрист. Крючкотворец. В некоторых вопросах ему равных нет.

Еле сдерживаюсь, чтобы не схватить бумажку слишком быстро. Беру её двумя пальцами и ухожу в свою комнату. Закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Сердце выскакивает из груди. Пальцы подрагивают от нетерпения. Листок жжёт ладонь. Что за чёрт? Я не должен так реагировать. Может, это охотничий инстинкт?

Я могу говорить себе, что угодно. Убеждать себя хоть год. Но когда я разворачиваю согнутую пополам страничку, в ушах у меня шумит. Кровь, адреналин – какая разница?

Выхватываю глазами два слова и ряд цифр. Жалейкина, значит. Ну, держись, Якорь. Я тебя нашёл! Из когтей дракона ещё никто не уходил просто так!

Глава 10

Алла

Кафедра педиатрии находится на краю географии. Хорошо, что последняя пара. Можно расслабиться и уже не думать, что будет дальше. Кажется, я устала. Холодно, солнце спряталось, тучи снеговые бродят. Ноябрь выдался зябким и

тоскливым. А может, наложилось одно на другое – поэтому настроение скатилось в ноль.

Я почти не слушаю, что вещает преподаватель, но на автомате что-то всё же падает в голову. У меня особенность: умею запоминать важное, даже если немного отвлекаюсь на посторонние вещи. Например, на размышления.

Сегодня четверг. С работой пока что глухо. По специальности работать не могу – не доучилась ещё до нужного уровня. Да и опыта у меня нет, к сожалению. Более-менее оплачиваемые работы не подошли из-за дневного графика. Остаётся лишь устроиться санитаркой в какую-нибудь больницу. Ночные смены меня не пугают, а убирать я, кажется, научилась отлично.

– Ах, какой красавец! – толкает меня в бок одногруппница Рита – единственный человек, с которым я общаюсь немного больше, чем со всеми остальными.

В силу своей замкнутой осторожности, я не могу назвать наши отношения дружбой, хотя это что-то где-то около того. В нашей паре, скорее, Рита дружит, а я принимаю её дружбу, насколько могу. Последние годы одиночества в толпе не прошли даром, к сожалению, поэтому просто жить и радоваться у меня не совсем получается, но я стараюсь.

Подпрыгиваю, как заяц. Красавец?!

– Где? – вытягиваю по-страусиному шею.

– Да вон же! – кивает она на выход, и тут я начинаю пятиться.

– М-м-м-э-э-э, – блею я, как коза, – ты это… не жди меня. Я тут кое-что забыла.

И под недоумённый взгляд Риты я показываю чудеса прыти. Забегаю за угол, прислоняюсь к стене и перевожу дух. Чёрт. Драконов. Это трусость. Он мог здесь оказаться просто так, по своим делам, но взбесившееся сердце возражает изо всей силы. Кажется, где-то здесь был ещё один выход. Служебный. Туда я и несусь сломя голову.

Я успеваю глотнуть морозный воздух и подпрыгиваю ещё раз, когда у меня оживает телефон.

– А ты где, Жалейкина? Он тебя, оказывается, ищет, – у Риты голос как у заговорщика, а любопытный нос выглядывает из смартфона так сильно, что я беспокоюсь, как бы он мне ухо не проткнул.

– Извини, у меня понос! – выпаливаю первое, что приходит в голову, и отключаюсь.

Зачем я ему? Что это за новости? Драконов ищет партнёршу по случайному сексу? У него таки что-то пропало, или дружку недостаточно, что меня уволили, он ещё что-то наплёл?

В то, что он ищет меня, чтобы рассказать, насколько я неотразима, я не верю. А пока лихорадочно гоняю мысли в голове, телефон оживает во второй раз.

– Рит, ну, я же сказала! – восклицаю в сердцах. Ума посмотреть, кто звонит, у меня не хватило. Да мне почти никто и не звонит.

– Жалейкина, ты от меня прячешься? Не стоит.

Чтобы не упасть от неожиданного головокружения, приходится прислониться к дереву, мимо которого я пробегала. Булькнув, я отключаю телефон. Совсем. Это выше моих сил. Это невыносимо и невозможно. Слышать его голос прямо в ухе, голове – похоже на сумасшествие. Буйное помешательство.

Перед глазами – его голый торс, игра мускулов и та щедрость, с которой он меня любил. Не могу. Не хочу. Не буду об этом думать, иначе поверю, а в таких делах лучше не обольщаться, не выдумывать чепухи.

Заскакиваю в переполненную маршрутку и перевожу дух. Всё, сегодняшнее приключение – вчерашний день. После такого облома Драконов вряд ли захочет видеть ту, что потопталась по его гордости.

Аркадий

– Скашиваю половину суммы за конец истории, – Чека торгуется азартно, видно, что парня проняло. И я в очередной раз задумываюсь, какой из него врач, когда на лицо – абсолютно другой диагноз.

– Ты о чём? – прикидываюсь дурачком и протягиваю деньги в обмен за информацию, которая, собственно, сейчас и не так уж актуальна: у меня в кармане имя, фамилия, телефон девочки из клуба.

– Ну, расскажешь, кто она, одна из трёх. И вообще. Как там отдача долга произошла, благополучно ли. Я ведь всё равно что крёстный отец сейчас. Вручаю тебе ключи от будущего.

– Чека, не будь пафосным, – пытаюсь добыть из скрюченных намертво пальцев бумажку.

– Не, ну любопытно же, кто из них, – канючит будущее светило медицины, – ты в ответе за тех, кого приручил! – выпаливает он, а я от неожиданности чуть не падаю на пятую точку.

– И даже знаешь, откуда цитата? – прищуриваюсь едко.

– Обижаешь! – пыхтит Дениска и блещет интеллектом: – Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький принц».

Кажется, не всё так печально, как могло показаться.

– Хочешь совет? Бесплатный? – ловко вырываю я всё же изрядно измятый листок. – Бросай медицинский и подумай о другом поприще.

Чека закатывает глаза и картинно вздыхает.

– А то я без тебя не знаю! Но лучше потерпеть, а то предки всю плешь проели. Мама за лекарства каждый раз хватается, как только я заикаюсь, что мне их медицина никуда не упёрлась. Короче, легче дотянуть волынку, чем каждый раз устраивать стресс и себе, и людям.

– А жить потом как, Чека? В глаза людям смотреть – как?

– Хорошо тебе рассуждать! – окрысивается на меня зло Денис. – У тебя всё шоколадно, вот ты и раздаёшь советы налево-направо. Сам бы попробовал хоть раз – понял бы, о чём я говорю.

Видимо, Чека поленился узнать мои собственные последние новости. Увлёкся девочками Аллами.

– А я и попробовал, – улыбаюсь, показывая все тридцать два зуба в оскале. – Из дома ушёл – раз, экономический бросаю – два. Возвращаюсь в медицинский – три.

У Чеки челюсть где-то на уровне асфальта притормозила. А так неизвестно, наверное, до центра земли дошла бы. Мне как-то противно становится. Расхвастался, как петух, хвост распушил. Фу, самому противно.

– Моё предложение в силе! – кричит в спину Чека.

Нужны мне твои предложения, недомедик. Оставь их себе. А у меня предостаточно времени, чтобы поймать мою Жалейкину на другом конце города.

Осаду я веду по всем правилам военной науки – оккупирую центральный вход, но поток студентов промчался и иссяк, а Жалейкина так и не появилась. Не была на паре? Я лоханулся и не узнал её? Быть такого не может!

Девочки кидают на меня заинтересованные взгляды. Одна так вообще притормаживает – ноги почти не переставляет.

– Не подскажешь, Алла Жалейкина на занятиях сегодня была? – как говорится, сам бог велел спросить, раз уж мной заинтересовались.

– А зачем тебе Жалейкина? – ну, вот. Смотрит с подозрением.

– Ты на вопрос ответь: была или нет?

– Ну, вроде как была. Ушла уже, наверное, – по глазам вижу: врёт. А потом по телефону начинает названивать. Зуб даю: Жалейкиной рассказывает последние новости. Судя по всему, я произвёл на Якорь неизгладимое впечатление.

Я набираю номер с листочка почти сразу, как только её подруга отключает телефон. Жалейкина мне не ответила. Позорно бросила трубку, трусишка. Она хочет сказать, что отделалась от меня? Дудки!

Достаю из кармана вводные данные и прикидываю, где это её общежитие находится. Неплохо. Снова полгорода утюжить в другую сторону. Но я на машине, так что мне море по колено.

Я добираюсь задолго до её появления. Мило побеседовав со старушкой-вахтёршей, выясняю, что Аллочка ещё не появлялась. Бабуленция что нужно: нюх, как у собаки, а глаз, как у орла. Знает всё и обо всех. Подозрительная в меру и въедливая, как жук-короед. Сразу же допрос устроила: кто, от кого, почему.

– Нравится она мне, – говорю доверительно и честно глядя бабульке в глаза. Я сама неотразимость, и старушка начинает плавиться потихоньку, улыбаться слегка. Что ни говори, а умение очаровывать – качество ценное.

Мы знакомимся. Мою новую знакомую зовут Марья Ивановна, как мою любимую учительницу биологии. Всё идёт хорошо. И тут я понимаю, что если Жалейкина не появится в ближайшие несколько минут, мы с ней не увидимся. У меня же семейный ужин, о котором я напрочь забыл. Именно сегодня, и мне уже надо спешить, если не хочу перед родственниками в дурном свете показаться. А я как бы не люблю ни в плохие качества напоказ выставлять, ни опаздывать.

Но Алла меня не подводит. Я стою в глубине крыльца, когда она появляется на дорожке. Стремительная. Мне нравится её походка. И то, как покачивается сумочка у неё на плече – нравится. Как выбиваются волосы из-под беретика – умиляет. Куртка тёмно-бирюзового цвета сидит на ней замечательно. В общем, пьяный я был в клубе или ещё какой, но глаз меня не подкачал: она красотка.

– Привет, – делаю шаг ей навстречу, как только она поднимается по ступенькам к входу в общежитие, и ловлю её за руку, потому что, кажется, она снова собралась от меня убегать. – Не так быстро, ладно?

Боже, какие у неё глаза… Кажется, я тону. Спасайте меня скорее!

Глава 11

Алла

И снова то самое дурацкое чувство, будто в целом мире нет девушки краше, чем я. Он ласкает меня взором. Рука у него тёплая, та, которой Драконов удерживает мою озябшую ладонь.

– Кажется, мы не с того начали, – от хрипло-интимного голоса – мурашки по коже, и хочется нырнуть в драконовские объятия и остаться в них навсегда. С трудом прихожу в себя, выдёргиваю за шкирку из ощущений, таких желанных, но ненужных, потому что всё это – иллюзии, игра воображения, девичьи фантазии, когда ты – нежная принцесса, а он герой, твой принц, что защитит и поможет. Протянет руку, если ты в беде, и успокоит, если на душе поселились кошки с острыми когтями.

– А мы разве начинали? – мне удаётся сказать эти слова спокойно и почти доброжелательно.

– Я хочу извиниться. И за своё дурацкое поведение, и за друга, что наворотил дел. Я знаю, что тебя уволили.

Вот лучше не нужно об этом. Какая разница, если ничего нельзя ни исправить, ни изменить?

– Считай, что ты извинился. Это всё?

Делаю шаг, чтобы обойти Аркадия, но он не спешит отпускать мою руку.

– Может, познакомимся? – продолжает упорствовать он, а моё бедное сердце рвётся наружу, навстречу его улыбке. Сердце хочет быть обманутым хоть на несколько жалких мгновений.

Зачем Аркадию весь этот цирк? Он ведь и так знает, как меня зовут?

Но задавать вопросы я не стала. Хочется ему поиграть? Ладно. Но недолго. Возможно, если я ему подыграю, он быстрее от меня отвяжется.

– Алла, – произношу своё имя и добавляю с иронией: – Жалейкина.

Но он не ведётся.

– Аркадий Драконов. Можно просто Арк, – и лицо у него серьёзное, он и глазом не моргнул на мою подначку. – После всего, что было, ты вполне можешь звать меня так, как позволительно только близким и друзьям.

Царь. Очень приятно познакомиться. Царь.

Вот эта подачка и отрезвила, и помогла в себя прийти. А то развесила уши, как лопоухая крольчиха.

– А что, что-то было разве? – вру и слежу за его реакцией. – Ничего не было, не фантазируй.

На какое-то мгновение в лице Драконова такая беспомощность промелькнула, что захотелось горько рассмеяться. Он не помнит. Иначе не стоял бы с таким выражением, не замер, соображая, шучу я или говорю правду.

– Но ты можешь звать меня Жало, – доверительно выдыхаю я слова вместе с морозным паром. – Так я позволяю обращаться ко мне только самым преданным и верным адептам.

О, чтобы увидеть такие глаза, стоило смолоть чушь! Драконов на миг леденеет. Черты лица становятся жёстче, словно он сосульку проглотил, и она колет ему во все стратегические места сразу, а затем фыркает и смеётся.

– Я буду звать тебя Оса! – заявляет он безапелляционно. – Потому что жало у тебя, что надо! Жалейкина Алла – Жало, – крутит он головой, не в силах поверить, что я способна на подобный троллинг. – Признайся, ты на ходу это придумала?

– Нет, что ты, – я само терпение и вежливость, – это очень почётное интимное прозвище, произносить которое позволительно не всякому смертному. Надеюсь, на этом всё? Не хотелось бы замёрзнуть навек. Нужно ещё как-то пережить и переварить наше знаменательное знакомство постфактум.

Драконов мимолётно смотрит на часы.

– Ладно, беги уже. Завтра встретимся и договорим, Оса.

Он нехотя отпускает мою ладонь.

– Три дня руку мыть не буду! – потрясаю я конечностью и быстро скрываюсь за дверью общаги. Перевожу дух.

– Ну как? Дождался тебя жених?

Марь Иванна смотрит на меня выжидательно, а я от неожиданности закашливаюсь.

– Какой жених? – она же это не серьёзно?

– Какой, какой, – ворчит наша вахтёрша, – Аркадий. Ты присмотрись, Аллочка, очень хороший молодой человек. Вежливый, обходительный, красивый.

– С лица воду не пить! – в сердцах выпаливаю я.

– Может, и не пить, – соглашается старушка, – но я жизнь прожила, в людях хорошо разбираюсь. Шалопай ещё, согласна, но есть в нём что-то такое… Стержень! – сжимает Марь Иванна кулак. – Такой, если нужно, и в огонь, и в воду!

– И по медным трубам протянет, – язвлю, не сдержавшись.

– А с таким и не страшно!

Вот кто умеет вербовать на свою сторону. Страшный человек, этот Аркадий Драконов. Сколько он тут с бабулькой нашей проторчал? Минут пятнадцать-двадцать? Но ему хватило, чтобы бабке мозги набекрень вывихнуть. Надо бы подальше от него держаться, чтобы потом себя по осколкам не собирать.

– Ладно, пойду я, – вздыхаю тяжело, понимая, что этот разговор может длиться бесконечно. Это Марь Иванна с Аркашей поладила быстро, а нам, как я понимаю, консенсуса вовек не найти.

– Иди, иди, Аллочка.

Марь Иванна провожает меня взглядом, а я ныряю поскорее в лифт.

Драконов действительно гонялся за мной по всему городу, чтобы прощения попросить? Что-то в моей голове не сходилось никак. Хотя, конечно, друг его по-свински поступил. О работе в клубе я жалела, что ни говори и как себя ни утешай. Но лучше думать об этом поменьше, тогда не лезут все эти сожаления, разбитые надежды и… полутёмная комната, где мне крышу снесло.

В комнате тихо и пусто. Люда что-то сегодня задерживается. Я сижу на стуле прямо в одежде, отогреваясь. Я настолько полна сейчас собой, что не хочется шевелиться.

Телефон в полной тишине звонит слишком резко. Я морщусь от громкого звука, когда достаю его из кармана. Эти несколько цифр я выучила наизусть, пока тряслась в маршрутке. Я почему-то думала, что он перезвонит после моего позорного отключения.

Я ошиблась. Драконов не стал размениваться на телефонные звонки. Он сразу же приехал в общежитие. А если так, значит, он заранее узнал у кого-то мои данные. Да и я не из тех, кто номером телефона налево-направо разбрасывается.

После девятого гудка, который почти потонул в грохоте моего сердца, я всё же жму на «приём».

– Да? – голос мой звучит как-то испуганно, хотя вроде бы я настроилась на разговор.

– Слушай, Жалейкина, – зато у Драконова с голосом всё в порядке. От его тембра не то что мурашки, а стадо бизонов по мне потопталось, – самое главное хотел спросить: ты там мне ничего в клубе не подсыпала?

– В смысле? – голова совершенно отказывается работать, когда его голос в ухе бархатным полотном стелется.

– Афродизиаков, кровь девственницы, приворотное зелье?

– Нет, что ты. Фантики от конфет, мусор с пола, использованные презервативы. Ты идиот?

– Да, использованные презервативы, – произносит он задумчиво, а я ругаю себя последними словами: кто за язык тянул?! – Не знаю, что происходит, – отмирает на том конце зависший Драконов, – но я хотел сказать, что думаю о тебе постоянно.

И отключился, гад такой!

– Об этом невозможно не думать, – говорю я в мёртвую трубку. – Какое счастье, что ты всего не помнишь, Драконов.

Я встаю со стула как столетняя старуха – кряхчу и стону, снимаю обувь и куртку. Меня снова знобит и надо бы выпить что-нибудь от простуды, но вместо этого я кое-как раздеваюсь, натягиваю толстый махровый халат, тёплые носки и падаю в постель, укрываясь почти с головой одеялом и толстым пледом. К чёрту конспекты, всё подождёт.

Глава 12

Аркадий

Она сделала, сделала меня! Смогла пнуть под коленку, когда я не ждал. Вот это напор, и я понимаю! Несмотря на то, что она заставила меня почувствовать себя напыщенным пафосным ослом, Жалейкина будоражила кровь. Бодрила так, что я готов был из штанов перед ней выскочить.

Чаще всего девушки таяли, как мороженое на солнце, и стелились под ногами. А если кто-то и сопротивлялся, то недолго. Я включал обаяние, нажимал на нужные кнопки и получал желаемый результат. После чего остывал, становилось неинтересно и пусто.

А тут чёртов якорь зацепил крюком под рёбра и протянул меня по настилу, как портового грузчика, что не умеет твёрдо держаться на ногах. Ну, Жало, ну, Оса, держись! Я не из тех, кто легко сдаётся!

Я позвонил ей из машины. Думал, трубку не возьмёт, но она всё же отозвалась. Её голос вызывал во мне химическую бурю. Взрыв на макаронной фабрике, когда спагеттины во все стороны летят и живописно укладываются в разные загогулины по окрестностям.

Я сказал ей правду: она не выходила у меня из башки. Именно поэтому я столько усилий приложил, чтобы найти и увидеть её. Хотел посмотреть, остыть и успокоиться. Вышло наоборот. И это странным образом меня драконило.

Я нажал на «отбой» с видом победителя. Знай наших, Оса! Пусть тебе икнётся не раз. Я снова отчётливо увидел её губы. Сочные и … ух! И поцелуи я помнил, будто пять минут назад с ней целовался. Всё остальное – в тумане.

Было или не было – не знаю. Но то, что мы обжимались, как сумасшедшие – факт. И презервативы пропали. И Пашка выразился однозначно. Поэтому вопрос о бурном сексе оставался открытым. Я бы не прочь всё же узнать правду. Додавить упрямицу – она проболтается, я уверен. Нужно лишь спровоцировать её.

В общем, за мыслями о Жалейкиной я и не заметил, как к дяде Ване на званый ужин притарахтел. К удивлению, я был не последним. Впрочем, я и прибыл чуть раньше положенного: гнал, видать, как лихой гонщик и не заметил, потому что кое-кто все мысли мои заполонил.

Я здесь бывал раньше. Пару раз. Мимоходом. Ничего толком и не запомнилось. Рыжая дядина жена – да. Женщин я всегда замечал и сканировал. Рыжий братец Ванька – тоже да. Хороший такой пацан.

Чуть лучше я знал Илью – пересекались не однажды в разных тусовках. Смутно – старшего двоюродного брата Диму.

Голова кругом пошла от разросшегося дядь Ваниного семейства. Мой персональный гид и мелкий сплетник рыжий Ванька скороговоркой рассказывает семейные тайны.

– Дима женился на Нике, а должен был по указке папы жениться на её сестре Тине.

Ну, это нам знакомо. Что-что, а давить авторитетом и коварством Драконовы умеют.

– А Серёга, брат твой по отцу, женился на той самой Тинке, которая Диме не досталась. Скоропалительно. Дядь Саша ему такое условие поставил. Жениться быстро.

Ну, хоть тут узнаю последние новости собственного семейства. Таки додавил его вредный Дракон-папа. Нашёл волшебную кнопку, пнул, видимо, в самое уязвимое место.

– А эта самая Тинка была невестой Ильи, но у них не срослось, и сейчас Илья собирается жениться на Варе, то есть Варваре Андреевне, моей классной руководительнице.

Ветхий Завет какой-то, не иначе. Ещё у Ваньки голос такой – на одной ноте и очень тихо, словно псалмы в полголоса поёт. Приходится прислушиваться.

Если до этого мозги мои Жалейкиной были заняты, то сейчас я судорожно пытался запомнить, кто есть кто, а в чехарде с невестами так ничего и не понял.

Последним появляется Илюха в сопровождении, я так понимаю, Вари и бабули Драконовой. Вот кто с годами не меняется, словно застыла во времени. В одной

поре.

Варя – благодатный материал. Смотрела на меня с таким восхищением, что я готов был, как павлин, хвост распустить. Чисто на автомате. Мне для этого и делать ничего не нужно. Только, боюсь, как бы потом мой хладный труп на какой-нибудь помойке не нашли: Илья такие взгляды бросает, что лучше вести себя скромно.

В общем, вечер начался скучновато. Дядя Ваня пытался речь задвинуть о семейных ценностях. Я когда услышал, что он и отца на ужин звал, а тот не явился, дух перевёл.

Вот бы была подлянка – из всех засад самая жёсткая. Я не для того вырвался из дома, чтобы мириться. Нет уж, плохой так плохой. Выгнал – значит выгнал. У него вон старший умный. Женился. Детишек заделает. И папку отпустит. Будет наследник для его миллионов. А я уж как-нибудь сам, без его давления и жёсткого поводка.

А потом как-то душевнее стало, мягче, народ не стал чинно жевать, а объединился, разговорился.

– Аркадий, – это дядя Ваня меня окликает. – Можно тебя на минутку?

Да, конечно, Большой Босс. Я ведь понимаю, что меня сюда не жрать пригласили, а всё же чего-то хотят.

– Я вас внимательно слушаю, дядя Ваня, – вежливо склоняю голову и твёрдо решаю послать подальше, если начнёт давить или уму-разуму учить.

– Я бы тебя послушал, – улыбается дядя Дракон, и почему-то становится на душе легче. – Но раз ты пока не готов к диалогу, спрошу: что собираешься делать?

– Бросить экономический, найти работу, восстановиться в медицинском, – выдал на едином дыхании ближайшие планы.

– Помощь нужна? – дядя Ваня не шутит.

– Нет, – чеканю твёрдо. – Я бы хотел всё сам. Разве что с работой определиться.

– Устроить мальчиком на побегушках или мелким клерком с незаконченным экономическим? – в глазах дяди плещется холодный металл.

И тут меня осеняет. Почему бы и нет?

– Лучше санитаром в какую-нибудь клинику.

– Медбратом? – уточняет дядюня. В курсе. Всё знает.

– Нет, – вздыхаю. – Три года прошло. Всё что и знал – забыл. Надо бы с нуля и дальше.

– Не перегоришь? Не станешь ныть и жаловаться?

За кого он меня принимает?!

– Я сам этого захотел, – мы тоже умеем металлом скрежетать и серебро ледяное взглядом метать. – Наоборот: хочу себя проверить, чтобы не ошибиться. Может, кишка тонка и не моё это, а блажь. И тогда дотру штаны в экономическом. Это испытание. Либо да, либо нет. Сердце – оно такое. Подскажет и поймёт. А ныть, жаловаться – это не ко мне.

– И ты готов жить на доход санитара? – дядя правильные вопросы задаёт. Серьёзные.

– Не знаю, – отвечаю честно. – Заодно и это проверю. Я в одном точно уверен: к папе на пузе не поползу. А если совсем туго будет, найду выход.

– Всегда можешь рассчитывать на меня, – кажется, дяде Ване понравились мои ответы.

– Это уж совсем крайний случай. Вы же понимаете, что я хочу сам?

– Понимаю, – он кивает со всей серьёзностью. – А с клиникой я тебе помогу.

И я вдруг понял, в чём фишка. Вот она – настоящая семья. Не просто собрались под одной крышей поболтать, а… родственники это. Не ля-ля про кровь, морковь, любовь. Надо – помогут, попросишь – поддержат. А если и пендель выдадут, так по делу.

Вон ведь, дядя Ваня тоже чудил. Диму женил насильно. И второй раз хотел. А сейчас смотрю – нормальный мужик. Понял. Не постеснялся прощения попросить. Настоящий мужской поступок. Эх, отцу бы кто мозги вправил. Но там клиника. Вряд ли что-то изменится в ближайшем будущем.

Глава 13

Алла

Наутро я поняла, что свалилась. Тело ломило, голова гудела, горло заложило. В общем – нетранспортабельное тело, к употреблению не готово. Подавив в себе синдром отличницы, на пары я решила не ходить.

– Алл, ты чего? – трогает меня за плечо Люда. – В институт проспишь!

– Заболела я, – хриплю, гундошу, чихаю, укрывшись одеялом с головой. – Две пары всего, отработаю потом.

– Ну, тогда не скучай! Я сегодня домой уезжаю, так что можешь отрываться на полную катушку. Хотя о чём я? У тебя даже парня нет, чтобы поработал грелкой во весь рост.

Меня знобит, но после Людкиных слов я почему-то представляю Драконова, голого, и меня кидает в такой жар, что впору из кожи выскочить и в прорубь нырнуть. Воображение, брысь под лавку и не отсвечивай! Я болею, ясно?

Людка носится по комнате, видимо, сумку собирает. Домой всё же как-никак. Слишком шумит, но я терплю, хоть каждый её звук – бензопилой по мозгам. Наконец она уходит, а я блаженно расслабляюсь. Надо бы лекарства, но мне лень. Банально лень вставать, вылезать из-под одеяла. Осень. Холодно. Болею. Имею право.

Из полудрёмы меня вырывает телефонный звонок. Игнорирую, но кто-то слишком настойчив: названивает с упорством носорога.

– Что ж это такое! – злюсь и разговариваю сама с собой. – Поболеть честному человеку не дают!

– Оса, я беспокоюсь. Ну, не можешь же ты так нагло игнорировать такого красавчика, как я.

Тупизм и раздутое самомнение. Я прямо вижу, как он лучится самодовольством, павиан бобуинистый.

– Драконов, иди к чёрту.

– Алла? – это что, в его голосе беспокойство? И тон нормальный? – С тобой всё в порядке?

– Да, всё хорошо, – хриплю я и всё же поднимаюсь с кровати. Проза жизни, но мне жутко хочется в туалет, но Драконову об этом я не скажу, конечно. – Ты что хотел, злыдень?

– Ты заболела, да? Я приеду.

– Зачем? – складываю я ноги крестиком и хочу уже поскорее закончить этот дурацкий разговор. – Обычная простуда. Я знаю, как лечиться, лекарства у меня есть.

– Ладно, разберёмся, – включает Драконов деловую колбасу и снова бросает трубку на самом интересном месте.

Манера, наверное, у него такая. Брякнуть – и отключиться. А ты додумывай, что хочешь. Но сейчас мне не до размышлений: мчусь в туалет, затем воюю со спутанными волосами, грею чай, пью таблетки и отвар, меряю температуру. К счастью, это действительно всего лишь простуда. Классический вариант с 37,9 на градуснике.

Я ни секунды не сомневалась, что Драконов заявится сюда. С его целеустремлённостью и напором – это очевидно, поэтому, когда раздался торжественный стук в дверь, я была готова. Насколько это вообще возможно.

Аркадий

Ночью мне снился эротический сон. Я и Жалейкина в полутёмной комнате. Игра света и теней. Тело её гибкое подо мной на белоснежной простыне. Она так желанна, что у меня сводит челюсти от восхищения. Эротический танец тел. Я целую её, наслаждаясь. Двигаюсь в ней, и она вторит мне. Ноги её стройные сжимают меня в кольце, и от этого сладко и остро. Запах земляники кружит голову.

– Не отпускай меня, мой якорь, иначе пропаду.

Это мой голос за кадром. И я просыпаюсь – напряжённый, твёрдый и неудовлетворённый. Чёрт. Она даже во сне меня достала. И я всё меньше уверен, что это просто сон, фантазия. Уж слишком всё реалистично и… знакомо. Я настолько не продвинут, чтобы видеть то, чего никогда не было.

Да было всё, было. Я уверен. Просто почти не помню. Отчётливо – поцелуи и её одуряющий запах лесных ягод с кислинкой. Губы вкусные под моими губами и руки, что зарываются в мои волосы.

На часах – начало седьмого. Выспался. Контрастный душ. Крепкий кофе. Сонный Пашка собирается на работу.

– Паш, – спрашиваю и вижу, как он застывает, – ты мне друг?

– Да, – слишком твёрдо, и в глазах у него надежда. Ясен перец, мы слишком разные. И, возможно, я его волную. Ну, это не самонадеянность, но в зеркало я на свою рожу каждый день любуюсь. «Слишком красив для мальчика», – так, вздыхая, сказала однажды мамина подруга.

У нас в семье байка ходит. Глупая такая, но я ей почему-то верю. У Драконовых девочки очень редко рождаются. Одни мальчишки, как с конвейера. А мама

девочку ждала маниакально. Верила, что в этот раз все прогнозы и традиции дадут сбой. А потом родился я. Красивый, как девочка. Картинка, блин.

Когда мне исполнился год, мать то ли в порыве нежности, то ли ещё по каким причинам бантов мне навязала. Говорят, скандал был феерический. Отец рвал и метал, орал, что она из меня педика сделает. В тот же день меня налысо побрили и папа-дракон лично следил за моим мужским воспитанием. Жесткачил, как мог, чтобы из меня мужчину вырастить. В общем, я знал, как его побольнее пнуть, да.

– Арк? – выдёргивает Паша меня из размышлений и воспоминаний. Я встряхиваю головой, отгоняя непрошенные мысли. – Ты что-то хотел?

– Хотел, – возвращаюсь в реальность и пытаюсь поаккуратнее сформулировать вопрос, на который хочу услышать максимально честный ответ. – Для меня это очень важно, поэтому скажи правду. Я… точно не помню, но у меня с этой девушкой, там, в клубе, что-то было, кроме поцелуев?

Пашка молчит, а затем, дёрнувшись, отвечает:

– Думаю, да.

– Думаешь или было? – пытаюсь всё же уточнить, если это возможно.

Пашка краснеет. Нервно дёргается кадык.

– Я… не видел. Но слышал, как вы там… слышно было. Похоже. А потом она оттуда выскользнула. Зацелованная, радостная, что ли. И презервативы твои исчезнувшие у неё в руках.

Он краснеет ещё больше. Я вздыхаю. Ну, Жалейкина, я тебе ещё припомню и «ничего не было», и всё остальное.

Я звоню в восемь. Она должна где-то на пути к занятиям находиться. Я это сделал, когда понял, что это выше моих сил – ждать вечера. Хотелось голос её услышать и послушать, как она огрызаться будет.

Поначалу я подумал, что номер попутал. А потом – что она с мужиком каким-то спит. И тут резьбу у меня сорвало конкретно. Как я ничего не наговорил сгоряча – не знаю. Мозг, наверное, умнее моих инстинктов оказался. Сообразил, что это она, только голос у неё чужой.

Заболела. Отлично. Будет повод увидеться при свете дня. Как ни странно, настроение резко пошло вверх. Сейчас мы покажем, кто у нас в доме доктор!

Глава 14

Алла

– Вой дите! – получилось по-дурацки пафосно, словно в каком-то третьесортном водевильчике. К тому же таким голосом только сущностей из ада призывать, но Драконов как раз что-то такое и есть, так что в самый раз для него.

Но на пороге не Аркадий, а Кирилл Семакин из семьсот двенадцатой комнаты – сонный и взлохмаченный. Хорошо хоть голым торсом не светит – не май месяц.

– О! А! – восклицает он. Явно не меня увидеть хотел. Морщит лоб, пытаясь, видимо, имя моё вспомнить. Тщетно. – Жалейкина, у тебя пожрать есть что?

– Ну, в общем, сложно. Разве что стандартный набор студента: хлеб, яйца, колбаса.

– А давай! – покладисто соглашается Кирюха.

Он заинтересованно тянется к нашему холодильнику. Мы сталкиваемся плечами, пытаясь заглянуть в недра белого шкафа, ржём от неловкости. Кирилл пытается выпрямиться и бьётся головой о морозилку.

– Чёрт! – воет он, потирая ушибленное место. – Травма на производстве! Я требую сатисфакцию… компенсацию… или как там правильно?

– Кастрацию, если будешь слишком громко орать. И еды не дам! – пытаюсь я его всё же отодвинуть: Семакин большой и мешает.

Картина маслом: две головы в холодильнике, две откляченные задницы – и дверь без стука открывается.

– Жалейкина? – у Драконова такой голос, словно он не верит собственным глазам.

– У-у-у, – наконец-то освобождает пространство и выпрямляется Кирилл, – а ты, я смотрю, нарасхват!

Я кожей чувствую, как два заинтересованных взгляда пялятся на мою пятую точку. Но когда нас это останавливало? Достаю масло, колбасу, яйца и по очереди складываю «добычу» в большие соседские ладони.

– Надеюсь, этого хватит.

– А хлеб? – наглеет Семакин. Драконов так и стоит у порога. Лицо у него нехорошее.

– Вали давай. Видишь: девушка болеет, – подаёт он голос и делает шаг вперёд.

– А ты доктор Айболит, пришёл лечить, – догадливо ржёт Кирюха. – Жалейкина, тебя хоть зовут как? А то спали вместе, а имени я твоего так и не спросил.

Вот гад. Издевается. У Аркадия каменеет челюсть. Мне только скандальчика здесь не хватает для полного счастья.

– Семакин, – впечатываю ему в грудь остаток буханки, – иди уже. Хлеб и зрелища ты уже получил.

– Не бить! – отскакивает козлом Кирюха от Драконова, который делает ещё один шаг вперёд. – У меня яйца!

В общем, у Арка руки пакетами заняты, а то, боюсь, яйца бы от пола отскребали. Семакин выскакивает из комнаты в коридор. Оттуда несётся придушенное

ржание. Затем он снова засовывает лохматую голову и даёт ценные советы:

– Вы когда лечиться будете, хоть дверь закройте, а то желающие на процедуры в очередь выстроятся. И потише, потише! Я после завтрака поспать люблю!

– Шут гороховый! – беззлобно обзываю я Кирюху и наблюдаю, как Драконов, нацепив на лицо полное безразличие, к столу подходит. Пакеты ставит. Куртку снимает, а затем – ботинки. Всё это – основательно, без спешки, будто он здесь сто лет живёт.

– Сосед, – зачем-то поясняю я драконовской спине. – Голодный.

М-да. Как-то двусмысленно получилось.

– Я это заметил, – кидает на меня взгляд Арк, и сердце моё, подпрыгивая, выплясывает нечто первобытно-дикое. Если бы у сердца были ноги, то оно бы их подкидывало высоко-высоко.

Ресницы у него – ух-х-х… Да и вообще. Он не женственный, на мой взгляд. В нём ничего нет мягкого, нежного и утончённого. Но есть правильные черты, губы красивые. Тёмные волосы и серые глаза – отличное сочетание, чтобы сердечный ритм сбивался с такта.

И тело, тело… Плечи широкие, руки мускулистые, талия тонкая, бёдра узкие. Совсем некстати я вспоминаю, что он этими бёдрами выделывал несколько дней назад. Стоп, лучше не разглядывать его и не думать ни о чём.

– Алла? – я смаргиваю, прогоняя наваждение. – Лечиться будем?

Голос у него низкий, бархатом по коже растекается. Очень тяжело сосредоточиться. А ещё тяжелее с ним в комнате находиться один на один. Резко руки-ноги становятся неудобными, не знаю, куда их девать. Встать или сесть? Жутко хочется волосы поправить, губы пересохшие облизать.

– Да я как бы уже. Говорила же: не стоит. У меня всё есть.

– Я и вижу. Последнее отдала голодающему. Вот уж по-настоящему Жалейкина. Но я как бы предвидел.

Драконов начинает из пакетов выкладывать на стол продукты, апельсины, лимоны и даже конфеты.

– Не знаю, что ты любишь. Набрал вот…

Он снова смотрит на меня. Я сглатываю. В горле дерёт и сухо.

– У меня мёд есть. А лимоны – это хорошо.

– Витамины, – поддакивает, а затем смеётся, смущённо мотая головой. – Чёрт, такое впечатление, что мне лет пятнадцать, и я впервые пытаюсь закадрить девочку, которая мне нравится.

Я нравлюсь? В груди не хватает воздуха.

–Ты ложись, Алл, – такой заботливый и простой. Располагающий к себе. Хочется, как собачке, упасть лапками кверху и пузико подставить, чтобы почесал. Ужас. – У тебя температура, наверное. Трясёт всю.

Знал бы он, от чего меня трясёт. Хотя он прав, конечно. Это озноб, но я точно знаю: и не только. Это ещё и волнение. Он тут не единственный, кто чувствует себя мальчиком. Кое-кто себя чувствует девочкой на первом свидании. Если разобраться, у меня их и не было в подростковом возрасте. Прошло мимо.

– Ты прости, – кутаюсь я в одеяло.

– Нашла о чём беспокоиться, – мягко надавливает он на плечи, и я подчиняюсь.

Ладонь его ложится на лоб. Приятно. Я глаза прикрываю, чтобы не видеть драконовского сияния.

– В детстве я любил болеть, – неожиданно откровенничает Арк. Он легко встаёт и двигается по комнате, как барс: гибкий и ловкий. Вот уж кто никогда не беспокоится, где у него руки и ноги. Всё на месте, там, где надо. И он прекрасно

ими владеет. – Где у тебя чай и мёд? А лучше не говори. Я похозяйничаю? Интересно.

– Похозяйничай, – разрешаю, наблюдая за ним из-под полуопущенных ресниц. – Здесь всё просто.

Он включает чайник. Внимательно рассматривает чашки на сушке. Их там пять. И только одна – та самая.

– Интересно, угадаю? – хмыкает он, поглядывая на меня. Глаза у него теплеют, искрятся смехом. Его это забавляет.

– Попробуй, – соглашаюсь. – Но мысли вслух. Хочу слышать логическую цепочку.

– Ты вещь в себе, – уверенно заявляет этот драконий детектив, – поэтому стеклянные чашки не твои. Из трёх оставшихся я бы выбрал побольше. Таких две. Думаю, вот эта, с котом, – он безошибочно выбирает ту самую, родную. – Но если даже это не она, для тебя бы я выбрал именно её. Что-то у вас есть общее.

– Это она. Угадал, – голос у меня сел окончательно.

Он режет лимоны, мешает их с мёдом. Пробует и что-то бормочет. Поит меня чаем и смотрит пристально, но от взгляда его мне почему-то хорошо. Я даже неловкости больше не ощущаю.

– Почему же ты любил болеть в детстве? – мне и правда интересно.

– Потому что в такие дни мир становился другим. Добрее. А ещё наступало время господина Градусника и волшебных таблеток. Я играл с мамой в доктора и пациента, а отец наконец-то оставлял меня в покое.

Никогда не думала, что золотые мальчики убегали в болезнь, чтобы отдохнуть. Видимо, я чего-то не знаю в этой жизни. Да, собственно, я очень много чего не понимаю. Никогда не задавалась целью узнать. Не было причин. А теперь одна из них сидит передо мной и поит меня чаем. И мне почему-то хочется узнать о Драконове побольше.

Мы открываем рот одновременно, но ни он, ни я не успеваем сказать ни слова: у Арка звонит телефон.

– Да. Понял. Запомнил. Спасибо!

Кратко, деловито. И лицо у него сразу меняется – становится суше, жёстче и взрослее. За ним очень интересно наблюдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Слова, приписываемые Петру I

Купить: https://tellnovel.com/ru/eva-noch-_/drakonov-mnogo-ne-byvaet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить